

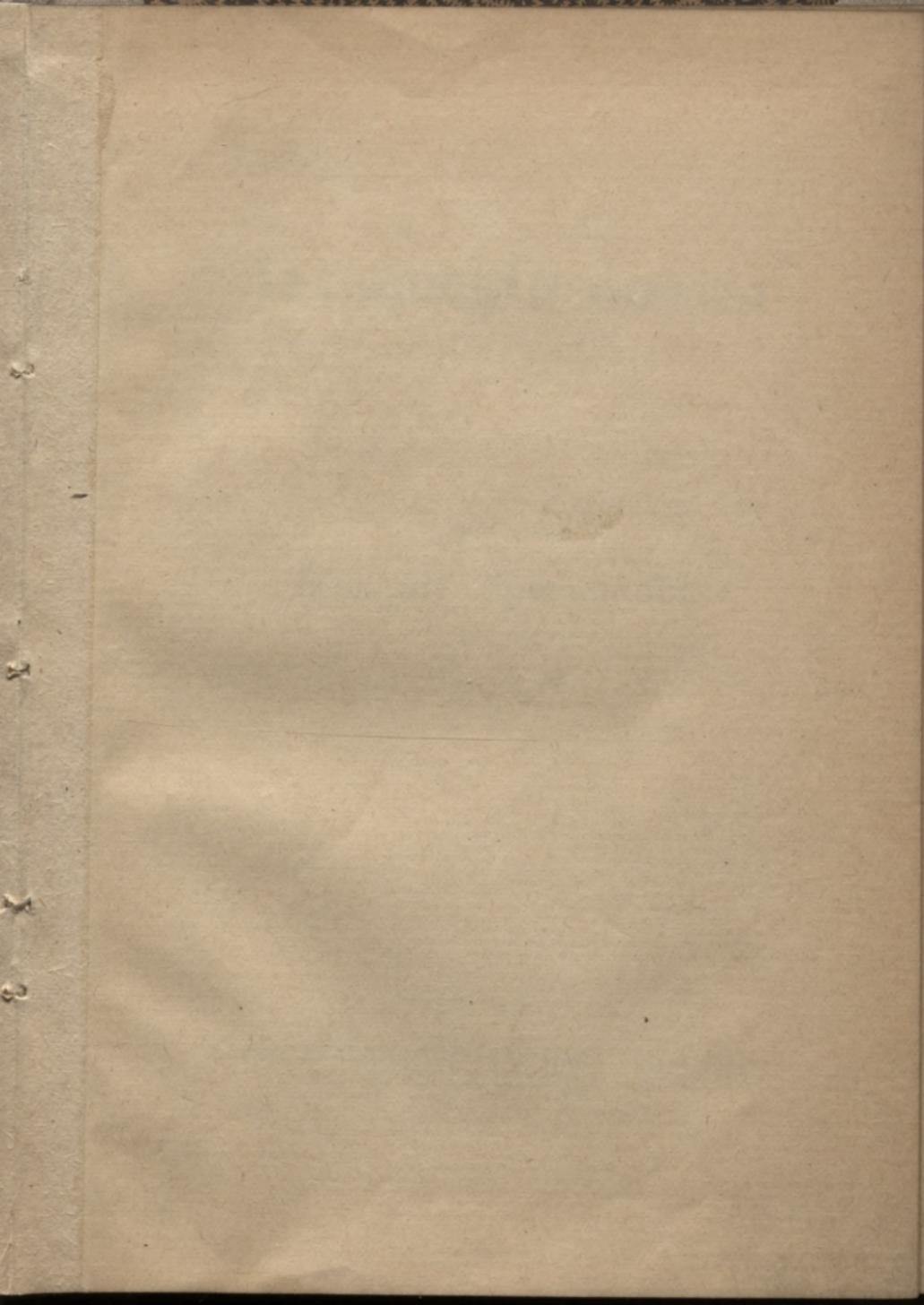
К
36637

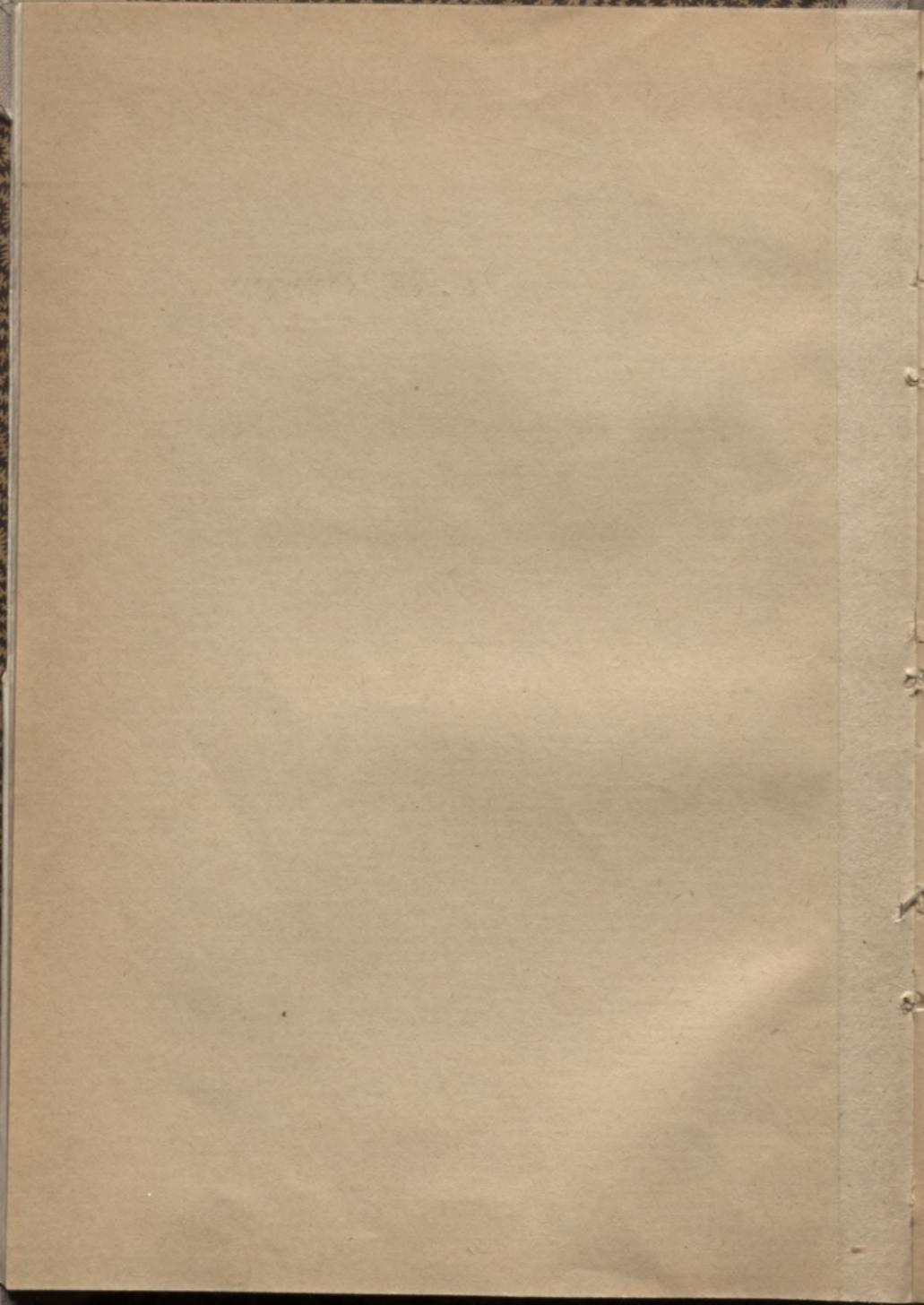
ВИКТОРЪ ТРЕТЬЯКОВЪ

ЛАТЫШСКІЕ
ПОЭТЫ

1931

EMERSON
1837

К $\frac{А}{36637}$

15

К

00014

Латышскіе поэты

въ переводахъ

Виктора Третьякова

1931

Главн. складъ изданія у Вальтеръ и Рапа
(Рига, Площадь Оперы)

В-1

К-1

И

✓
1960

L. V. B.
In. 241060

Всѣ права сохранены
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

0311016561 85

Типографія „Vārds“, Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

Въ эту книгу вошли латышскіе поэты новаго литературнаго періода, началомъ котораго считаются 90-е годы прошлаго вѣка. Характеренъ тогда переходъ отъ уравновѣшенности къ романтическимъ поискамъ, къ свободному выявленію личности. Это движеніе не только вскормило такихъ литературныхъ дѣятелей, романтика которыхъ еще носить ярко національную окраску, но оно привело и къ дальнѣйшему: къ символизму, шедшему, какъ и въ Россіи, переплетаясь съ устремленіемъ къ классикѣ.

Символизмомъ овѣяны не только книги Райниса, но также иныя стихи Акуратера и Ф. Барды. По содержанію они — романтики, такъ ихъ и считаютъ, но по выраженію символисты. Своеобразный Ф. Барда беспорядоченъ по формѣ, но силой преобразенія природы онъ выдѣляется среди многихъ.

Нѣкоторые латышскіе символисты не прошли мимо Брюсова и его школы. Такъ, В. Эглитъ, сотрудникъ московскихъ «Вѣсовъ», отчасти принадлежитъ къ ней и высоко ставитъ ея главу.

Въ группѣ нео-классиковъ Пушкинъ и его сподвижники имѣютъ преданныхъ поклонниковъ.

Пушкинъ не разъ переводился на латышскій языкъ. Известенъ переводъ Райниса, а недавно появился сборникъ переводовъ пушкинской лирики, сдѣланныхъ Ф. Крузой.

Молодые латышскіе поэты, большею частью урбанисты: жизнь большого города, настроенія горожанина даютъ имъ главный матеріалъ.

Такое, напримѣръ: Судрабалнъ, романтикъ по содержанію и экспрессионистъ по выраженію, широкой манерой передающій свои видѣнія.

Среди начинающей латышской литературной молодежи намѣчается вліяніе Маяковского и Есенина.

Мѣстный колоритъ латышской поэзіи, сказыва-

ющійся въ любви къ родной природѣ и ко всему обиходу деревенской усадьбы, постепенно смѣняется городскимъ и даже отвлеченнымъ.

Извѣстно, какъ условны подраздѣленія на литературные эпохи и періоды: они способны иногда внести больше путаницы, чѣмъ порядка. Въ жизни обычно разныя теченія сосуществуютъ, обуславливая другъ друга. Оттого въ настоящемъ сборникѣ даны только самыя необходимыя историко-литературныя свѣдѣнія.

Взяты здѣсь чистые поэты, т. е, пишущіе преимущественно стихомъ; писатели, считающіеся, главнымъ образомъ, прозаиками вошли въ сборникъ, въ видѣ исключенія, какъ выразившіе въ свое время въ формѣ стиха новое въ латышской литературѣ направленіе. Отдано предпочтеніе лирикѣ какъ наиболее самодовлѣющему и показательному роду стихотворной поэзіи.

Задача сборника — дать общее понятіе о латышской лирикѣ и о нѣкоторыхъ главныхъ ея представителяхъ, насколько это возможно въ предѣлахъ переводной антологіи.

Особенно важно избѣгать нагроможденія и пестроты, чѣмъ обычно страдаютъ такіе сборники. Эта книга попадетъ въ руки лицъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ латышской поэзіей, поэтому считалось нецѣлесообразнымъ запугивать ихъ именами и деталями.

Характеристики поэтовъ взяты изъ очерка *Вирзы* *), за исключеніемъ строкъ о немъ, о Стерсте и Земельнекѣ.

Большинство представленныхъ здѣсь авторовъ впервые переводится на русскій языкъ.

В. Т.

Ed. Virza. La littérature lettone depuis l'époque du réveil national.

Эд. Вейденбаумъ

Очень образованный и одаренный, Эд. Вейденбаумъ (1867—1892) нѣкоторыми чертами напоминаетъ Горація. Произведенія его не многочисленны, но они занимаютъ мѣсто очень почетное въ латышской литературѣ. Отличаются они простотой и глубиной мысли. Эту мысль писатели позднѣйшіе повторяли, одѣвъ ее въ декламаторскія формы, и приобрѣли благодаря ей большую популярность. Есть въ совокупности идей Вейденбаума родъ скрытаго скептицизма въ отношеніи существующаго общественнаго порядка и истинной цѣнности человѣческой жизни. Но этотъ скептицизмъ не имѣетъ ничего разслабленнаго; онъ предлагаетъ, напротивъ, нѣчто сильное и героическое, подобно характеру самого поэта.

Весною повѣяло въ полѣ,
Не нужно скорбей и заботъ!
Для радости снова раздолье, —
Ликуй, пока смерть не придетъ.

Цвѣтами кусты запестрѣли,
Природа любовью пьяна,
Будь снова ребенкомъ. Ужели
Тебя не разбудить весна?

О будущемъ думать не надо,
Заботы однѣ оттого...
Кто любить — тому и отрада,
Судьба не обманетъ его!

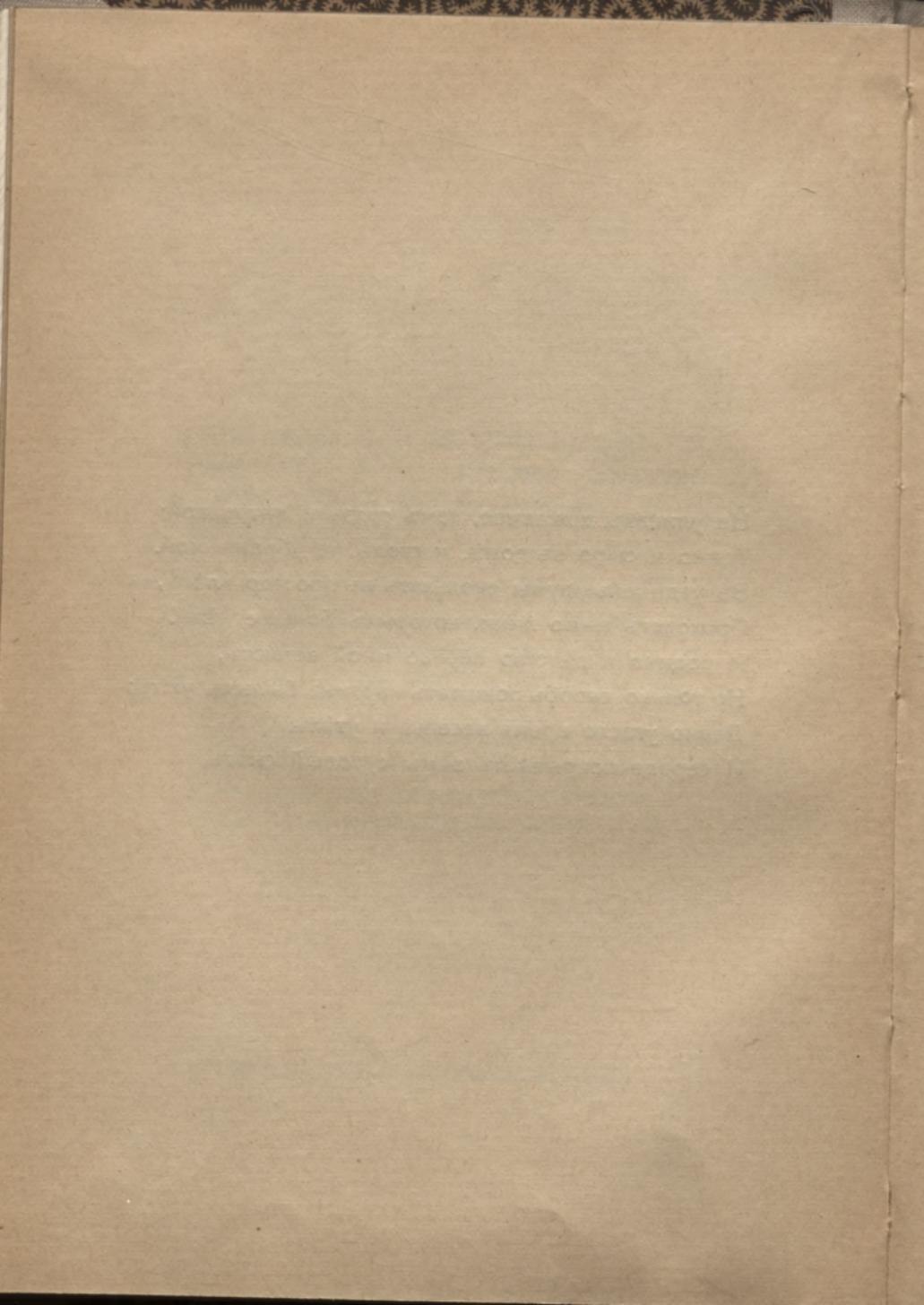
Уже друзья иные въ хладномъ снѣ...
Давно ли съ ними за стаканомъ пѣннымъ
Сидѣли мы въ веселыя минуты,
Заботы забывая.

Опять пора цвѣтенья наступила,
По комнатамъ опять стоятъ березки,
Разносится Ивановское „лиго“ *)
И юный хохоть полнить тихій воздухъ.

Но давить сердце тяжелой грусти гнетъ,
Оно стремится въ тѣ глухія страны,
Гдѣ милые друзья вкушаютъ отдыхъ,
Куда не донесутся звуки „лиго“.

*) Припѣвъ въ купальскихъ пѣсняхъ латышей.

На улицахъ дождливо, тамъ грязь и вѣтра вой;
Темно и сыро въ домѣ, и столъ не убранъ мой.
Въ уединеньи думы скользятъ въ просторы лѣтъ,—
Проходятъ мимо лики, которыхъ больше нѣтъ.
И родина и дѣтство передо мной встаютъ,
Но только скорбь рождаетъ картинъ былыхъ уютъ;
Давно угасло время веселья и утѣхъ,
И сердце покрываетъ зимы суровый снѣгъ.

Я. Порунъ

Въ эпоху матеріализма появился писатель, полный деликатности, молодой Янъ Порукъ (1871 — 1911), который снова далъ латышскому обществу вкусъ къ стремленіямъ духовнымъ, болѣе глубокимъ. Онъ слѣдовалъ по пути независимаго искусства.

Религіозная атмосфера дѣтства Порука оставила на поэтѣ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Во время изученія имъ музыки въ Дрезденѣ, онъ подпалъ подъ вліяніе извѣстныхъ философовъ.

Онъ испытываетъ сперва живое восхищеніе передъ Ницше и Рих. Вагнеромъ, затѣмъ передъ Гете, который сдѣлался объектомъ долгихъ изученій со стороны Порука.

Прибывъ на родину, онъ погрузился въ воспоминанія своего дѣтства, и они вдохновили его на рассказы и стихи, пропитанные печалью и тонкостью чувствъ, которыхъ латышская литература раньше не знала.

Поэтический языкъ Порука одинъ изъ самыхъ простыхъ. Онъ сочиняетъ стихи такъ же легко, какъ весна заставляетъ расти траву, какъ лучи солнца заставляютъ распускаться цвѣты и какъ птица поетъ свободно и радостно.

Въ личности Порука латыши имѣютъ писателя, совершенно независимаго и свободнаго отъ всякой догмы, чье рыцарское сердце готово пожертвовать собою для идеи. Этотъ большой писатель кончилъ, къ несчастью, жизнь безуміемъ.

ВЪ ЛОДКѢ ХАРОНА.

Въ маломъ утломъ челнокѣ
Насъ несутъ съдыя волны.
Чуждый берегъ вдалекѣ
Бѣлоснѣжныхъ духовъ полный.

Хмурыхъ елей виденъ рядъ,
Воронье по ихъ вершинамъ;
Быстро лебеди скользятъ
По зеркальностямъ пустыннымъ

И забвенія рѣкой
Взято все, что жизнь дарила,
Только милый образъ твой
Я забыть и здѣсь не въ силахъ.

ВЕНЕРА.

Я мраморный образъ ласкаю,
Что въ тихомъ углу стоитъ.
Ласкаю... вдругъ мать на порогъ.
Блѣднѣя, мнѣ говоритъ:
Не знаешь, что дѣлаешь, сынъ мой.
Ты камню далъ жизни испить.
Такъ знай же, что лики изъ камня
Умѣютъ мечтать и любить.
Пробудится тайная сила
Въ этомъ обликѣ женскомъ опять
Лишь только юноша страстно
Дерзнетъ ее обнимать.
Не трогай ее, не трогай —
Мучителенъ будетъ твой путь.
Если камень тебя полюбитъ,
О свободѣ навѣки забудь.

ПУТНИКЪ.

Въ роцѣ рокоть соловьиный...
Надъ затихшею долиной
Небо млечное-голубое.
Ходятъ тѣни въ лунномъ свѣтѣ,
Чутко дремлетъ вешній вѣтеръ.
Я-жъ иду, и грусть со мною.

Кончить путь бы этотъ длинный..
Вижу памятникъ старинный,
Шлю ему привѣтъ угрюмый.
Пробѣгають тихо тѣни...
Нѣтъ въ душѣ былыхъ стремлений —
О покоѣ шепчуть думы.

ПОЪЗДКА ГЕТЕ ВЪ ЗЕЗЕНГЕЙМЪ.

Въ гостепріимный милый домъ
Верхомъ онъ сумерками ѣдетъ;
Какъ будто вѣдая о томъ,
Тамъ Фредерика скатерть стелеть.

Придетъ онъ — чувствуетъ она —
И счастье принесетъ съ собою,
Въ его улыбку — тишина,
А лобъ высокій кудри кроютъ.

Придетъ онъ — чувствуетъ она —
Стиха походкой величавой,
И вновь душа покорена
Чудесно рѣчью нелукавой.

Въ гостепріимный милый домъ
Верхомъ онъ сумерками ѣдетъ,
Его привѣтливымъ кивкомъ
Зоветь грядущее къ побѣдѣ.

И звѣздный сумракъ серебрить
Земли прохладныя долины;
Сѣдая ночь въ лѣсу скользить,
Овраги полня и низины.

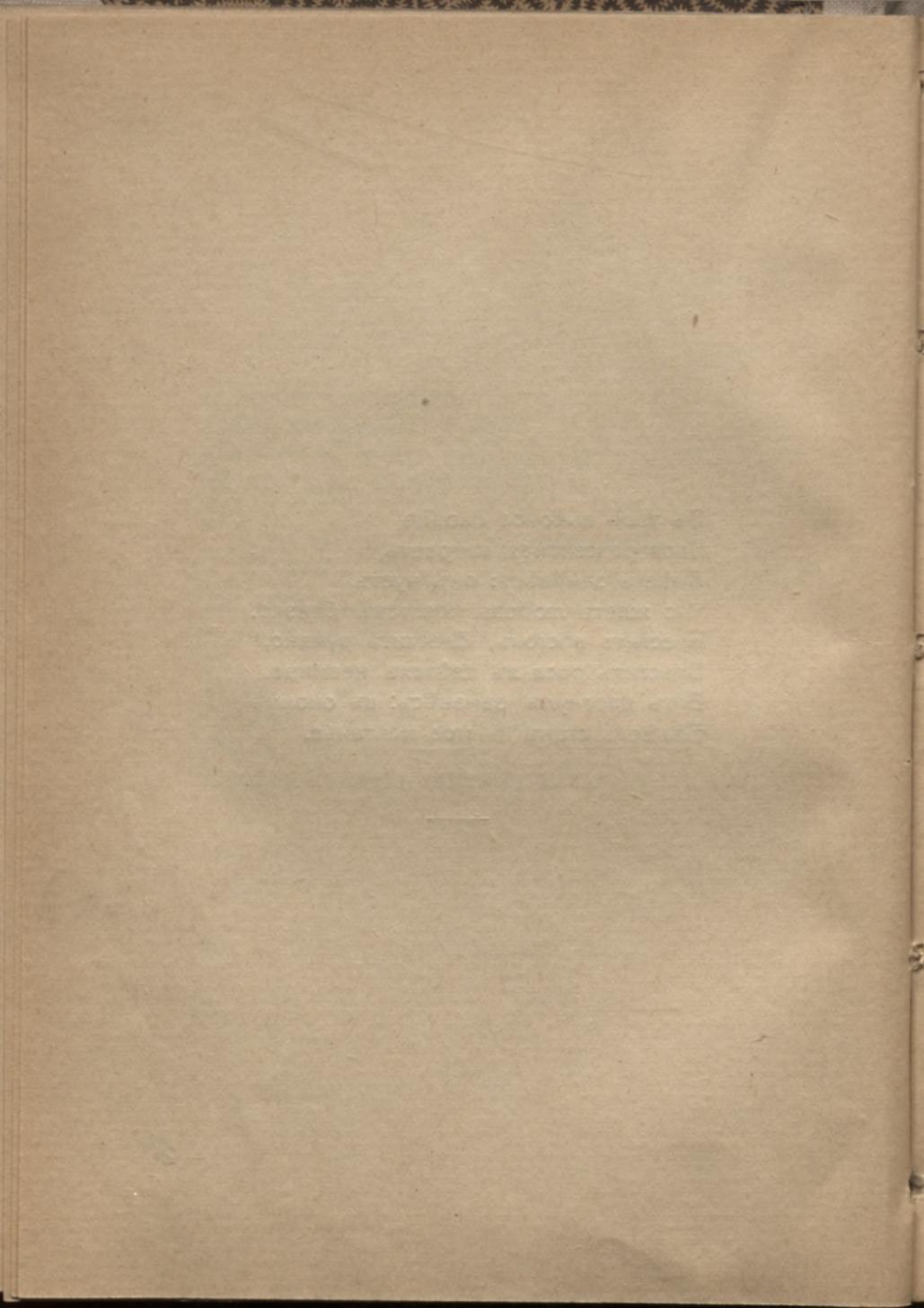
А оконъ радостный огонь
Въ туманѣ сказочно мерцаетъ,
Его завидя, бѣлый конь
Невольно шагу прибавляетъ.

О, назови ту минуту!..
Скоро ли будешь моею?
Станешь ли вновь отрицать ты
То, что я въ сердцѣ лелѣю?

Въ солнечный день отъ цвѣтовъ я
Слышу, что ты — мое счастье.
Только когда-жъ, дорогая,
Ты обнаружишь участие?

Минуть и дни золотые,
Свянуть цвѣты по долинамъ.
Милая, руку подай мнѣ,
Счастье въ лицо заблести намъ!

Въ твое высокое оконце
Заря разсвѣтная взираетъ,
Алѣетъ занавѣсъ: онъ чуетъ,
Что ждетъ любовь моя такъ близко.
Блеститъ востокъ, блеститъ румяно,
Блеститъ роса въ цвѣтахъ невинно.
Вотъ дрогнулъ занавѣсъ: въ оконцѣ
Блѣетъ станъ — мое мечтанье.

Аспазія

Въ латышскомъ обществѣ есть группа, очень сильно организованная, склонная къ социальнымъ идеямъ. Эта тенденція, извѣстная подъ именемъ „Яуна Стрва“ (Новое Течение) включаетъ не только революцію литературную, но и социальную. Изъ этой группы вышли два очень одаренныхъ писателя: Райнисъ и Аспазія.

Въ началѣ своей литературной карьеры Аспазія (род. 1868) принадлежала къ группѣ писателей національнаго направленія, но послѣ знакомства съ Райнисомъ (ея будущимъ мужемъ) и критикомъ Янсономъ, она измѣнила свою программу, и въ серіи пьесъ для театра, которыя она потомъ опубликовала, она проповѣдуетъ идею освобожденія женщины. Всѣ ея пьесы для театра (наприм. „Вайделоте“—жрица), нѣкогда очень популярныя у латышей, кажутся нынѣ совершенно устарѣвшими.

Во всякомъ случаѣ, своей лирикой Аспазія приобрѣла болѣе славы, чѣмъ театральными пьесами. Въ ея лирикѣ нѣтъ ничего отъ матеріальной сухой пропаганды. Въ ней совершеннымъ языкомъ и музыкальнымъ выражено чувство женщины. Облеченная въ индивидуализмъ, ей присущій, Аспазія проходитъ черезъ латышскую литературу, обогащая ее новыми идеями, которыя въ ихъ совокупности, не имѣютъ ничего позитивнаго и кажутся иногда даже анархичными.

СКАЗОЧКА.

На лошаdkъ быстроной
Ѣдетъ сказочка дорогой.
Мчится, къ далямъ поспѣшая,
Въ ручкѣ плетка золотая.
Не стоитъ она минуты,
На землѣ ей нѣтъ пріюта —
Только новый сонъ промчится,
Ей ужъ нужно удалиться.

Точно не жилъ я на свѣтѣ,
И опять ее я встрѣтилъ:
На лошаdkъ быстроной
Ѣдетъ сказочка дорогой.
И серебряны подковы
И уздечки васильковы;
Убранъ поводъ жемчугами —
Дѣтства ласковыми днями.
Не стоитъ она минуты,
На землѣ ей нѣтъ пріюта.

ОДНА.

Моя душа
Давно ужъ сдѣлалась лѣнливой,
Ей трудно быть среди людей.

Какъ макъ она:
Нельзя вплести въ вѣнокъ красивый
Его негнущихся стеблей.

Она хранить всѣмъ чуждый, невеселый,
Свой полный опіума сонъ тяжелый.

ЯСНАЯ ЗВѢЗДА.

Носилось надъ люлькой моей
Дыханье бѣды и печали,
И тысячи звѣздныхъ очей
Мнѣ злобно съ неба сверкали.

Шепчась, мѣшали они
Раздоры и туманы
И на меня искони
Бросали ихъ, мстительно-рьяны.

Одинъ лишь взоръ горѣлъ
Такъ ясно изъ тьмы безконечной,
Лучъ малый меня задѣлъ
Дыханьемъ поэзіи вѣчной.

ОДНО МГНОВЕНІЕ.

Жизнь — это тѣнь, жизнь — это духъ.
Знаю одинъ лишь мигъ:
Былъ онъ красивый, но потухъ;
Самый красивый мигъ.

Знаю, больше онъ не придетъ,
Будешь напрасно ждать:
Такъ и теченье вѣчныхъ водъ
Не обратится вспять.

Издали вижу: въ погонѣ за нимъ
Волнъ серебристый блескъ,
Только шумитъ шумомъ чужимъ
Ихъ набѣгающій плескъ.

Лунный лучъ играетъ
Въ ясной глубинѣ,
Будто издалика
Шлетъ призывы мнѣ:

Уходи со мною
Въ дали безъ преградъ,
Дай умчать покорно
Въ челнокъ наядь —

Серебро—въ немъ весла,
Парусъ золотой,
Будетъ путь указанъ
Вечера звѣздой.

Ну, пойдёмъ, я знаю
Край счастливый тотъ,
Гдѣ дѣвицу-солнце
Мѣсяць обрѣтетъ —

Лучъ съ лучомъ сольется
Тамъ въ огонь большой
И душа несется
Тамъ къ душѣ другой.

Какъ туманъ, исчезнетъ
Дольная тоска...
Только льется свѣта
Вѣчная рѣка.

Райнисъ

Райнисъ (1865 — 1929) — наиболее популярный поэтъ Латвіи. Его склонность къ романтикѣ мѣшала ему принять реализмъ его группы. Идеальная власть социальнаго режима — центръ его идей.

Райнисъ дебютировалъ переводомъ „Фауста“ на латышскій языкъ. Ему не только удалось въ совершенствѣ передать твореніе Гете, но онъ этой работой обновилъ литературный языкъ, воскресивъ множество забытыхъ словъ и творя новыя. Райнисъ одновременно лирической поэтъ и драматургъ. Въ 1903 году появился первый сборникъ его стиховъ: „Дальніе звоны въ синева томъ вечерѣ“. Писатель въ немъ намѣчаетъ свою поэтическую программу и урокъ своей жизни, т. е. освобожденіе человѣчества социализмомъ и затѣмъ взлетъ человѣческаго духа въ сферы новыхъ возможностей. Въ основу своихъ стиховъ Райнисъ влагаетъ всегда событіе своей личной жизни или общественной, но каждый разъ онъ придаетъ этому событію символическій смыслъ и подымаетъ его надъ земными вещами.

Второе образцовое лирическое произведеніе Райниса — сборникъ стиховъ „Конецъ и начало“, гдѣ поэтъ развиваетъ свои идеи относительно вѣчной ритмической перемѣны, коей подвержены земныя вещи. Между этими двумя сборниками, содержащими лучшіе стихи поэта, Райнисъ написалъ и другіе, но цѣнности второстепенной.

Какъ писатель драматической, Райнисъ проявилъ такой же талантъ. Онъ написалъ болѣе двѣнадцати пьесъ для театра, изъ нихъ лучшая: драма „Іосифъ и его братья“, появившаяся въ 1918 году. Одушевленный національными и литературными традиціями латышей, Райнисъ черпаетъ свои сюжеты изъ духовной сокровищницы народа.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Льютъ ливни, вѣтры дуютъ, день погасъ;
А онъ босой, въ изорванной одеждѣ.
Ты думаешь, что блудный сынъ сейчасъ
Вернулся въ отчій домъ, гдѣ жилъ онъ прежде?

Ужель не видишь, что пришельца видъ
О непреклонной говоритъ надеждѣ,
Что немощная плоть его кипить?

Не подъ ярмо идетъ онъ, а упрямо
Теперь онъ мыслить выгнать васъ изъ храма.

БЕЗЪ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Нѣтъ собственной у васъ и жизни,
Которая росла-бъ наружу, —
Все душить маленькую душу;

Ни гордости и ни отчизны,
Что-бъ ихъ носить звѣздою на челѣ:
Завистники героямъ на землѣ.

ПОКИНУТЫЙ НА НИВЪ.

Да, я пошелъ въ дорогу самъ,
Но я не жаловался вамъ,
Быть лучше вѣчно одинокимъ,
Чѣмъ въ униженьи здѣсь глубокомъ.
Мужъ долженъ быть и твердъ и строгъ,
Мой ясенъ путь, мой чистъ порогъ.

КРАЙ МОЕЙ ЮНОСТИ.

Край ты юности далекой,
Я давно тебя не видѣлъ,
Только въ грезахъ ты приходишь
Въ часъ, когда съ открытымъ взоромъ, —
Въ часъ, когда съ открытымъ взоромъ
Я лежу, раскинувъ руки.

Край моихъ мечтаній юныхъ,
Гдѣ жъ еще мечтать такъ можно?
Бродятъ тамъ подъ вешнимъ солнцемъ
Тишина и ароматы —
Тишина и ароматы —
И печаль ведутъ съ собою.

Край моей печали юной,
Такъ же ль ты еще прекрасень?
Въ затуманенной долинь
Ты ль уснувшая принцесса?
Ты — уснувшая принцесса,
Скоро ли отъ сна возстанешь?

Край тревогъ моихъ далекихъ,
Все ль поля твои безъ сѣва?
И лѣса твои, гдѣ волки
И озера и болота, —
И озера и болота
Такъ же ль тянуть къ солнцу кудри?

Край надеждъ моихъ далекихъ,
Все ли спить на узкомъ полѣ,
Бѣдномъ полѣ твой оратай?
Что ты спишь? вставай, вставай же!
Что ты спишь? вставай, вставай же,
Край ты юности далекой!

Край же юности далекой
Ото сна уже поднялся;
Братья край мой разбудили,
Двери настеж, громъ ударилъ,
Двери настеж, громъ ударилъ,
„Вмѣстѣ съ братьями пойдемъ мы“.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛАТВІЯ.

Лучъ малый засіяль свѣтло,
Быть можетъ, вѣсть неся благою.
Безъ многихъ словъ, безъ шумныхъ словъ,
Любовь рождается, ликуя,
 Васъ возлюбить, привѣтить васъ,
 Вамъ силы дать и мукъ забвенье,
 Сказать, что будетъ лучшей часъ,
 Что не закроютъ солнце тѣни.
И всѣ и всѣ, кто грустенъ, сирь,
Пусть ждуть: иное царство зрѣеть,
Родного счастья жаркій пиръ
Оцѣпенѣвшаго согрѣеть.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Шагъ крестьянина тяжекъ, медленъ, гулокъ
Въ полѣ, въ горькомъ трудѣ съ утра до ночи,
Въ праздникъ ходитъ онъ тѣмъ же шагомъ грузнымъ;
Онъ грядущему не спѣшитъ навстрѣчу,
Взглядъ привыкъ устремлять онъ только въ нивы.
Онъ стоитъ крѣпко вросшій въ землю,
Лѣта синихъ вѣтровъ высокихъ не чуя,
Силы сося изъ груди земли родимыхъ.
Точно дитя великана, такой большой, неловкій;
Если-жъ руки подниметь, будетъ рвать медвѣдей.

ЛѢСНАЯ ПТИЦА.

Гонима непреклонною судьбою
Стремится даже птица бора вдаль
Надъ моремъ, надъ равниною степною;
Какая въ голосъ ея печаль!

Холоднымъ взоромъ небеса взирають,
Подъ ними омота огромный ротъ,
А смерть свои предѣлы расширяетъ.

Тебя-жь, душа, что въ этотъ путь влечеть?
Ты ждешь, что дружба иль любовь придетъ?

КРАЙ СНОВЪ

Высоко въ небѣ ласточки летаютъ,
Играютъ дѣти, близится закатъ...
Цвѣты прохладный вечеръ орошаетъ,
Они отъ зноя, сникнувши, стоятъ.

Лежу на снѣгѣ, вверхъ смотрю... Не спится...
Земля темнѣетъ, небеса горятъ;
Еще не видно звѣздной колесницы.

Скорѣй явись, возьми меня съ собой
Въ край сновъ, гдѣ можно обрѣсти покой!

КОГДА НОЧЬ..

Лучше всего поетъ соловей
Когда ночь;
Счастье приходитъ скорѣй,
Когда ночь;

Если грустишь, выйди одинъ,
Когда ночь, —
Никто не узнаетъ твоихъ кручинъ,
Только ночь.

Плудонъ

Поэтъ Плудонъ (род. 1874 г.) — представитель реальной и вещественной поэзии. Никакой другой латышскій поэтъ не владѣетъ поэтическимъ языкомъ въ такой степени совершенства.

Плудонъ прошелъ длинный поэтическій путь, начиная съ его первыхъ литературныхъ работъ „Первые аккорды“, появившихся въ 1895 г., до „Посвященій музы“ — сборника, опубликованнаго въ 1924 г. Въ теченіе этого промежутка времени онъ написалъ поэмы, „Два міра“, „Сынъ вдовы“, „Реквиемъ“ и др. Красота этихъ твореній сдѣлала его имя очень популярнымъ во всѣхъ классахъ латышскаго общества. Не нужно искать у Плудона особеннаго идеализма или глубины мыслей. Онъ отличается крайней простотой и все встрѣченное имъ на его пути, находитъ въ поэтѣ возвышенное и мелодичное эхо.

Зачѣмъ мечтаешь ты, о, духъ печали,
Когда на высяхъ льется звѣздный рой?
Мечты о счастья сбудутся едва-ли:
Твоя весна далеко за тобой.

Не знать мнѣ больше радости безкрайной,
Что каждое дыханье здѣсь живить,
Когда съ цвѣтущихъ нивъ волной случайной
Благоуханный воздухъ долетить...

Все пусто для меня, цвѣта потухли...
Лишь похороннымъ звономъ сердце бьетъ.
Я зябну, зябну... тлѣютъ жизни угли,
Дымокъ зловѣщій тихо вверхъ идетъ.

РОЗЫ.

Розы, ахъ, розы,
Темно-красныя, страстныя!
Когда весна дохнетъ тепломъ,
О, какъ дрожать
И говорить
Тѣ розы!

Розы, ахъ, розы,
Темно-красныя, страстныя!
Не вашъ ли пурпурный цвѣтокъ --
Любовь сама
И страсти тѣма,
Что такъ горять?

Розы, ахъ, розы,
Темно-красныя, страстныя!
Почувствуешь вашъ духъ хмельной,
Навѣкъ, навѣкъ уйдетъ покой
И станетъ смерть близка.

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Въ зимнюю ночь я окно открываю:
Призрачно смотритъ мѣсяць въ туманѣ;
Съ холодомъ зимнимъ въ сердце струятся
Міра прохлады, просторы, глубины.

Звѣзды высоко, далеко блуждаютъ.
Ночь безъ конца надъ горами, долами.
Вѣчности бездны міры поглощаютъ,
Вѣчности тяжесть на душу ложится.

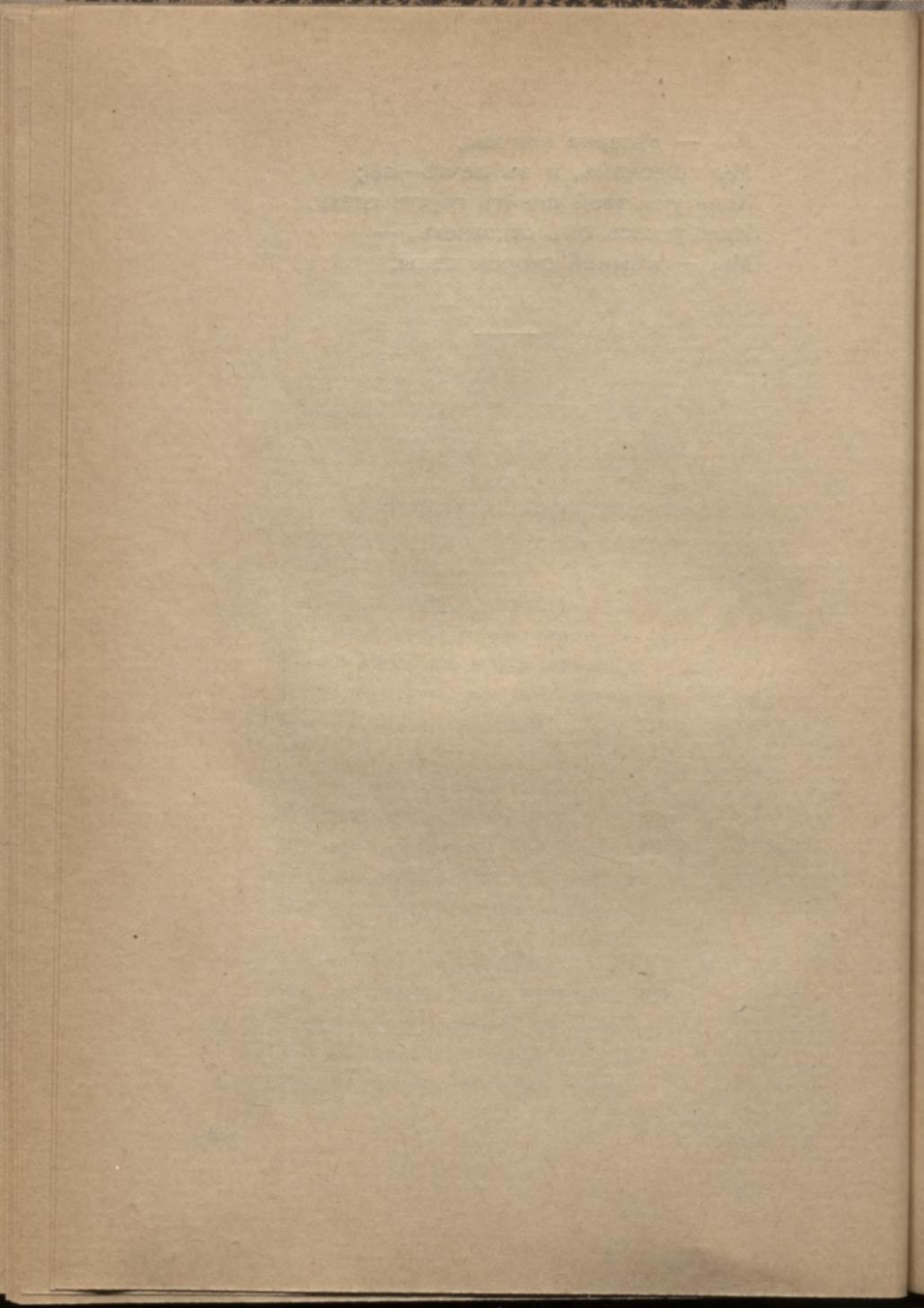
ПѢСЕНКА ТРОСТНИКА.

Мы — вѣтерка напѣвы,
Мы шепчемъ, и въ мечтѣ — вы;
Когда дрожить одна изъ насъ,
То задрожимъ мы всѣ тотчасъ;
Мы — водяныя дѣвы.

Мы — вѣтерка напѣвы,
Мы шепчемъ, и въ мечтѣ — вы;
Въ насъ звѣздная звенить тоска
И боль земли звучить слегка, —
Мы — тихихъ жалобъ дѣвы.

Мы — вѣтерка напѣвы,
Мы шепчемъ, и въ мечтѣ — вы;
Когда идешь одинъ съ собой,
Мы запоемъ съ твоей душой, —
Мы — грезъ неясныхъ дѣвы.

Мы — вѣтерка напѣвы,
Мы шепчемъ, и въ мечтѣ—вы;
Коль умъ твой давить грусти гнетъ,
Иди, у насъ онъ отдохнетъ, —
Мы — нѣжной скорби дѣвы.

Н. Скальбе

Скальбе (род. 1879 г.) — наиболее оригинальный и национальный из всех латышских лириков. В то время, как другие поэты испытывали иностранные литературные влияния, Скальбе остался от них независим. Он бросился с энтузиазмом в волны сказок и песен национальных, и оттуда вырос его музыкальный язык и оригинальность его поэзии с ее ритмом чистым, живым и трепещущим. Очень удачны его сказки в прозе, сюжеты которых заимствованы из народных рассказов—жанра, предпочитаемого латышами. Латвийские деревенские пейзажи, лиризм национального склада нашли в нем истолкователя особенно вдохновенного. Большая часть стихов Скальбе должна быть помещена среди самых лучших произведений латышской лирики.

ЛѢСНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Колокольчики лѣсные,
Что у елокъ тихо грезять, —
Отчего ихъ цвѣтъ такъ блѣдень?
Рѣдко въ полумракѣ лѣса
Блѣдное имъ небо видно.
Колокольчики, мечтая,
Собираютъ свѣтъ небесный.

Колокольчики лѣсные,
Что у елей тихо грезять...
Для чего они годятся?
Лѣсъ большой для дровъ годится,
Колокольчики къ чему же?

Даже заяцъ ихъ не ѣсть —
У него вѣдь есть капуста.
А медвѣдь ихъ просто топчетъ,
И ползеть улитка мимо,
Привлеченная грибами.

Колокольчики лѣсные,
Что у елей тихо грезять...
Звѣздъ лучи они собирають,
Нижуть ихъ, чтобъ стать звончѣе;
Заберется вѣтеръ въ ели,
Тихо звонять колокольцы.
И кому ихъ нужны звоны? —
Можетъ быть, опушкѣ лѣса,
Пастуху, что въ полдень грезить,
Голову на мохъ склонивши.

ШАРМАНКА.

Запоеть шарманка въ воскресеньѣ,
А дома въ вечернемъ освѣщенъи,
Въ окнахъ увядающія лица,
Красный солнца смѣхъ по нимъ струится.
„Тія-тія-тія-тія-лія“ —
Льется, точно нити розъ витыя,
Бѣдной жизни симфонія.

Старый вальсъ иль звуки серенады,
Хоть фальшивя, а дарятъ услады.
Сердце сирыхъ и само не знаетъ,
Что въ вино вдругъ воду обращаетъ.
„Тія-тія-тія-тія-лія“ —
Льется, точно нити розъ витыя,
Бѣдной жизни симфонія.

ВЕЧЕРЪ.

Усталый вѣтеръ шедестить листвою,
Цвѣты головки клонять, утомясь;
Ложбины кроются бѣлесой мглою,
Румянецъ запада почти угасъ.

Выходятъ звѣзды вереницей звонкой
На стражу стать съ мерцающей свѣчой;
Подходить тихая, какъ мать къ ребенку,
Сѣдая ночь, несущая покой.

ЗВѢЗДА.

Ждетъ-ли кто тебя на свѣтъ,
Есть ли другъ или родной?
Да, одна звѣзда взираетъ
На меня сквозь мракъ ночной.

Какъ встрѣчается съ привѣтомъ
Взоръ со взоромъ у воротъ,
Я — у темнаго оконца
Жду, когда звѣзда взойдетъ.

Дождь идетъ, росятся стекла,
Сумерекъ потерянь часъ.
По лицу струятся капли,
И не свѣтитъ милый глазъ.

НА РОДИНЪ.

Оттаявшій пригорокъ подъ ногами,
Холодноватый вѣтерокъ,
Но на лужайкѣ оснѣженной
Бѣлѣетъ счастья цвѣтокъ.

Коснѣлъ въ чужихъ я заблужденьяхъ,
Теперь взрываетъ вѣтеръ тучи,
Вотъ дождикъ синій и летучій.
Я снова слышу жаворонка пѣнье.

Лужокъ, какъ въ снахъ, уходитъ подъ ногою...
Туманитъ очи тихою слезою.
Я вновь на родинѣ, подъ давней сѣнью
И слышу снова жаворонка пѣнье.

БАРКА СЪ СЪНОМЪ.

Вечеромъ позднимъ осеннія волны
Барку съ сѣномъ колышатъ безмолвно...
Медленно движется внизъ по теченью,
Темныя воды несутъ отраженье.
Лодочникъ виденъ на ней молодой,
Барку ведетъ онъ мертвой рѣкой.
Ночь въ высотѣ, а изъ водныхъ просторовъ
Сколько въ лицо ему звѣздныхъ взоровъ!
Къ сѣну прижавшись, глядитъ онъ высоко
И надъ рѣкою груститъ одиноко.
Травы простерли безсильныя руки,
Шепчутъ ему про сладчайшія муки.
Лѣтнихъ ночей опьяненье и дымъ
Нынѣ гудятъ колокольцемъ глухимъ.
Ахъ, сколько разъ была радость близка!
Голось звучалъ и жучка и цвѣтка..
Вечеромъ позднимъ осеннія волны
Барку съ сѣномъ колышатъ безмолвно.

СТРАННИКЪ.

Вѣтеръ звѣзды первыя
Зажегъ глубокимъ вечеромъ,
И домъ, очагъ пылающій,
Мнѣ вспомнятся потомъ.

Поля тяжки отъ росъ съдыхъ,
Отъ прошлаго — душа.
Уходятъ зори, не спѣша —
И кто удержитъ ихъ!

Блѣдна дорога черезъ лугъ,
Тамъ спитъ трава съ травой.
Ласкаетъ вечеръ мягкой мглой
Мои глаза и слухъ.

Б А Н Я.*)

Забытый прудъ, цвѣтущей тяжело...
Тамъ баньку, точно грибокъ, изъ почвы подняло.
На крышѣ ветхой, круто наклоненной,
Растетъ комками мохъ буро-зеленый.
Спитъ баня старая, скривилась, всюду щели,
Среди цѣлебныхъ травъ замѣтна еле-еле.
Рябина у дверей огнисто дозрѣваетъ
И отъ болотныхъ духовъ баню охраняетъ.
Колодець тоже ветхъ, стоитъ котель въверхъ дномъ.
Въ золѣ, чтобъ юды **) не укрылись въ немъ.

Я въ полдень прохожу тропой моею,
Блеститъ вода въ колодець окомъ чародѣя.
Дурманомъ травъ душа моя пьяна,
Звенить колоколами старина.
И къ тусклому окну я взоромъ приникаю,
И, какъ во снѣ, бывшее прозрѣваю.
Тамъ Лайма***) выпиваетъ кубокъ золотой,
Отвѣшивая судьбы бѣлою рукой.

*) Въ банѣ не только мылись, но лѣчили больныхъ и принимали новорожденныхъ.

**) Злые духи.

***), Богиня Судьбы.

В. Эглицъ

Викторъ Эглицъ (род. 1877 г.) вышелъ на сцену какъ реалистъ, но съ нѣкоторой склонностью аъ романтизму. 25 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ работаетъ для родной литературы, и въ теченіе этого долгаго періода онъ всегда игралъ роль вожака, помогающаго, организующаго, совѣтующаго... Его способности въ области литературы разнообразны. Онъ написалъ рассказы, романы, стихи, поэмы и особенно прославилъ свое имя эпопеей „Сѣрый баронъ“. Его стихи символичны, иногда мнѳологичны. Эглицъ погруженъ въ свой мѳръ инстинктовъ и идей и, не принимая во вниманіе мнѳній публики, рассказываетъ о томъ, [что видѣла во время своихъ одинокихъ скитаній его душа.

ДЕМОНЪ.

Иду я къ людямъ, злой и зоркій,
Не знаемъ, не опредѣленъ,
Иду, какъ тѣнь, съ усмѣшкой горькой
Дорогой чуждой для времянь.

Что полюблю и что присвою,
То будетъ ангеламъ смѣшно,
И сердца вѣчный хладъ со мною
На роковое канеть дно.

Судьбой мнѣ гробъ назначень темный,
Чтобъ дня и солнца не видать,
Чтобъ надъ землей мой плащъ огромный
Могъ грозный мракъ распростирать.

ПОСЛѢ ДОЛГОЙ РАБОТЫ.

Какъ вечеръ углубленно тихъ!
Высоко ласточки летаютъ;
Поля, лѣса въ тѣняхъ сѣдыхъ
И туча ярко догораетъ.

Гляжу въ окно, закончивъ трудъ,
Покоюмъ муки охлаждаю.
Безплодно замыслы уснуть,
И будетъ въ сердцѣ тишь ночная.

ВЕСНОЙ.

Горняя синь исходит слезами,
Звѣздныя глубы — проблески водъ.
Что теперь будетъ съ горами, лѣсами!
Рухнулъ нависшій сводъ.

Въ погребѣ мокромъ — въ мѣрѣ тяжеломъ
Вешнія струи шумять.
Сталъ ты блѣднымъ и невеселымъ,
Глянь-ка: какой водопадъ!

Выйди въ раздолье: въ поле и въ горы —
Птицы токують, звонятъ ключи;
Водами, инеемъ блещутъ просторы...
Вольное сердце стучить.

ВЕЧЕРОМЪ.

Вотъ ясный августъ; всюду осени дыханье,
Но теплые, какъ въ маѣ, дни еще стоятъ.
Ни облака на небѣ; вѣтра колыханья
Пескомъ дорожнымъ воздухъ не пылятъ.

Подходить ясный вечеръ къ блѣднымъ нивамъ.
Деревья потемнѣли у дорогъ.
На отдыхъ мѣръ полей, усталый и счастливый,
Какъ великанъ съ открытымъ взоромъ легъ.

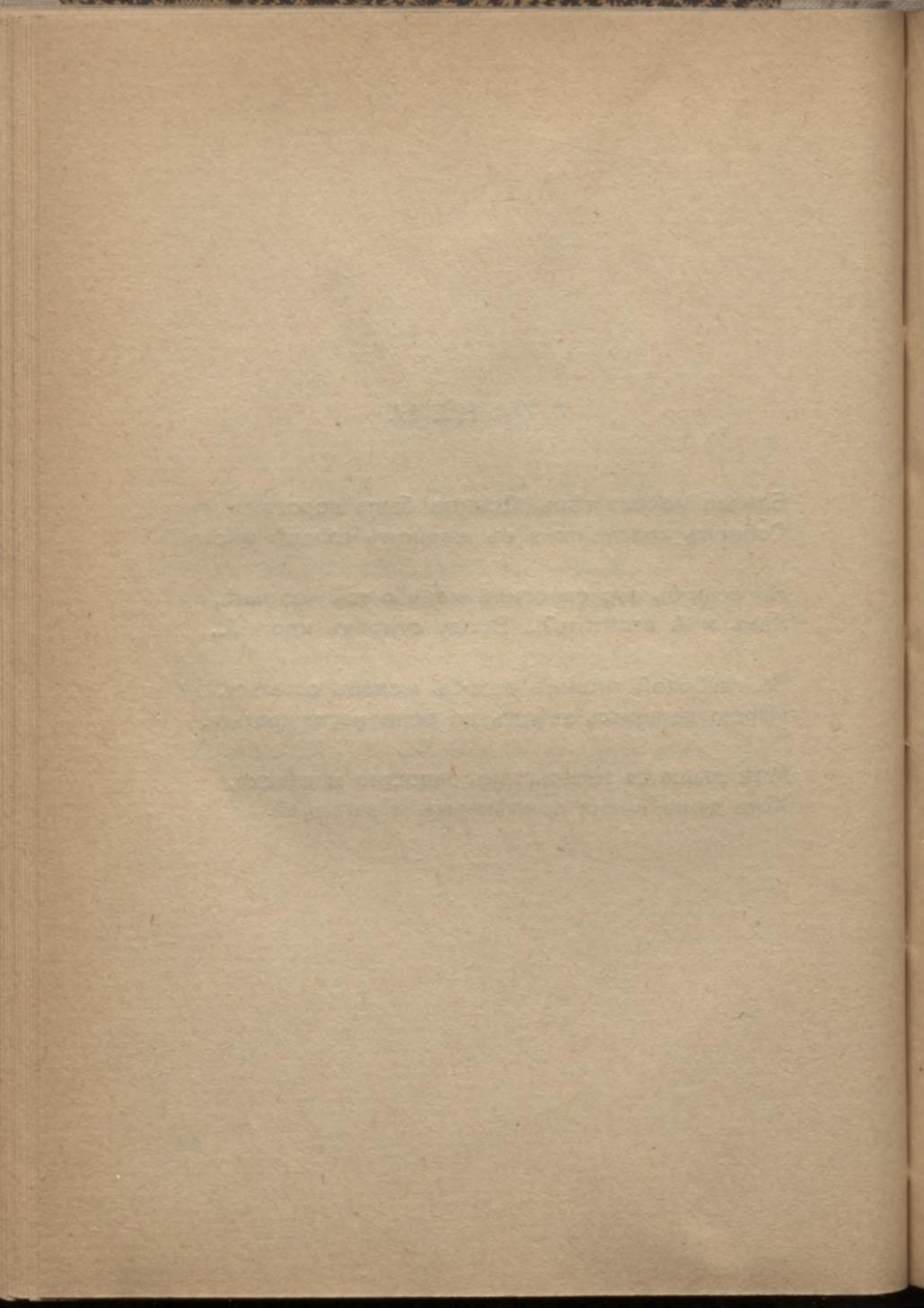
СТАНСЫ.

Близка ночная тѣнь. Длинна была дорога.
Собралъ красиваго я въ жадномъ сердцѣ много,

Но если-бъ кто спросилъ меня о той находкѣ,
Какъ мнѣ отвѣтить?... Всюду сумракъ кроткій...

Въ глубокой тишинѣ еще-бъ желалъ остаться,
Игрою дальнихъ звѣздъ до боли наслаждаться.

Мнѣ дышется теперь такъ радостно и сладко,
Хотя душа полна сомнѣньемъ и загадкой.

Н. Якобсонъ

Карль Якобсонъ (род. 1870 г.) — дарованіе лирическое, очень нѣжное. Въ большомъ числѣ книгъ онъ воспроизводитъ то, что есть гармоническаго въ деревенской природѣ Латвіи. Сперва пылкій поэтъ любви, К. Якобсонъ, подвергшись внутреннему кризису, избралъ преимущественно религіозные мотивы.

Отъ лѣса черезъ нивы
Вьется бѣлый путь;
Мнѣ соловей счастливый
Волнуетъ сладко грудь.

И въ звуковъ дивной влагѣ
Трепещутъ поле склонъ.
И ручеекъ въ оврагѣ
Пѣвцомъ замороженъ.

Несется отъ черемухъ
И пѣснь и аромать,
Весенюю истому
Они душѣ дарятъ.

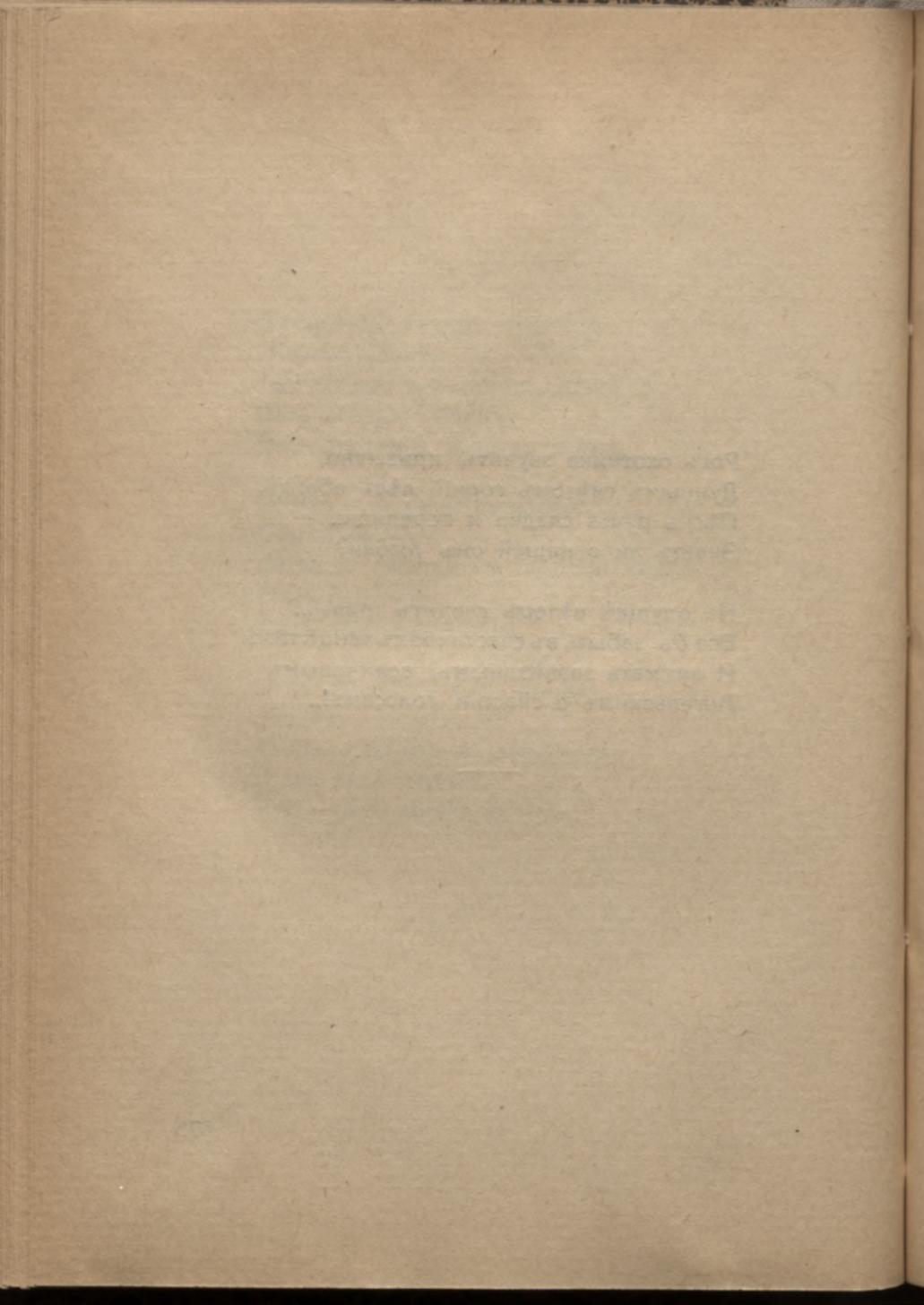
Воздушной бездны глубина
И зыби волнъ;
Той силой, что кипить волна,
Весь воздухъ полнъ,
Весь вольный воздухъ полнъ.

Поютъ и море и просторъ
Всегда одно:
Вести за счастье съ смертью споръ
Вамъ суждено,
Вамъ вѣчно суждено.

И песня льется безъ конца,
Звенить, зоветь, —
Мечта, горящая въ сердцахъ,
Пусть васъ ведетъ,
Пусть васъ всегда ведетъ!

Рогъ охотника звучитъ призывно,
Луннымъ свѣтомъ горній лѣсъ обвить,
Пѣснь ручья сладка и переливна —
Знаетъ ли о нашей онъ любви?

На опушкѣ вѣтеръ гладитъ травы...
Все-бъ забыть въ счастливомъ танцѣ тамъ
И внимать зазвѣзднымъ, величавымъ
Ангельскимъ о счастья голосамъ!..

Я. Амуратеръ

Въ личности Я. Акуратера (род. 1875 г.) новая латышская литература имѣетъ выдающагося представителя романтизма. Романтизмъ, входившій раньше только въ поэзію, начинаетъ проникать и въ прозу, куда онъ вноситъ живое теченіе лиризма. Этотъ романтизмъ, въ извѣстной мѣрѣ, характера символическаго. Какъ поэтъ, Акуратеръ владѣетъ темпераментомъ сильнымъ и лирическимъ. Его дѣятельность обширна и разнообразна. Всѣ его творенія проникнуты эстетическимъ индивидуализмомъ.

БОЖЕСТВЕННОЕ.

Скрываютъ солнце осени печали,
И только птичья веселить дорога,
Уста согрѣетъ сокъ хмельного бога,
Какъ будто снова мы любовь узнали.

Поникнетъ день--луна, ліясь, трепещетъ
И серебромъ одѣнетъ грусть ночную;
Не забываемъ мы любовь былую, —
Въ душѣ видѣнья золотыя блещутъ.

Игра и жизнь уходятъ въ танцѣ легкомъ,
Уходятъ дни предъ свѣтлыми богами,
И въ душахъ, ставшихъ сладкими цвѣтами,
Амуры кружатся веселымъ токомъ.

Ахъ, птица легкая, любви мгновенье,
Въ ея глазахъ и божество и муки!
Едва успѣемъ простереть мы руки, —
Мелькнуло золотое оперенье.

Лишь въ снахъ придетъ, какъ грустное видѣнье,
И вновь оцѣпененіе разлуки,
Охотничьи тебя-ль достигнуть луки,
Ахъ, птица легкая, любви мгновенье!

Блуждая по дорогамъ безконечнымъ,
Порой мы проясняемъ наши лица
Ея прекраснымъ отблескомъ и вѣчнымъ.

Надъ темнымъ доломъ вдругъ заблещетъ птица,
Ее мы чуемъ въ трепетъ сердечномъ,
Какъ легкой стихъ она въ душѣ струится.

Ф. Барда

Ф. Барда (1880—1919)— одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ латышскихъ романтиковъ, и его разсматриваютъ, какъ единственный теоретическій экспериментъ. Очень трудно схватить существенную мысль его стиховъ, ибо писатель бѣжитъ всего реальнаго и предается мечтамъ и фантазіи. Его стихи теряются въ странномъ хаосѣ образовъ безъ контура. Вопреки этимъ особенностямъ, Барда очень популяренъ и пользуется общей любовью.

И Д И Л Л И Я .

Въ концѣ бульвара,
На краю тротуара
Маленькій мальчикъ,
Какъ султанчикъ
Срестивъ ножки,
Сидить...
Ждетъ чего то дитя,
То смѣясь, то грустя;
Не пустякъ какой-нибудь это:
Ждетъ онъ счастья и лѣта.
Сидить, а шапочка рядомъ,
И подданные
Проходятъ своею дорогой
Съ почтительнымъ взглядомъ;
Дѣвочки бѣгутъ по аллеѣ,
Въ косицахъ ленточки алѣютъ.
Идутъ паши, о, изъ нихъ
Каждый несетъ
Въ большихъ кошелькахъ
Десятки солнцъ
Мѣдныхъ и золотыхъ.

О, еслибъ въ шапку хоть одно скатилось,
Все въ мірѣ тогда-бъ весной озарилось,
И каждаго прохожаго — ни много, ни мало —
Онъ тотчасъ сдѣлалъ бы генераломъ...
Такъ лѣта султанчикъ ожидаетъ.
Надъ нимъ облака выгибаютъ
Мосты бѣлоснѣжные.
Вокругъ камни,
Какъ хлѣба субботніе,
На солнышкѣ теплые, нѣжные.
Вѣтерокъ тихо
Ему волосы треплетъ.
Въ черныхъ вѣткахъ липы
Синицъ звонкій лепетъ...
И султанчикъ ждетъ лѣта...
Ждетъ и ждетъ дитя,
То смѣясь, то грустя,
И въ шапку пустую
Падаетъ солнце и слезы...

Д О М А.

Какъ встарь, я стою здѣсь снова,
А яблони — въ грустномъ снѣ.
Жужжать надо мною пчелы,
Дрозды кричать о веснѣ.

Сквозь вѣтви главу сѣдую
Ищу. Ея ласковъ былъ взглядъ!
У клѣти черезъ канаву
Четыре доски лежатъ —

Когда раскрывались почки,
Несли что-то четверо тутъ.
Стою и смотрю, смотрю я,
Какъ яблони слезы льютъ...

Когда грудь и ноги устали,
Четыре несутъ на плечахъ.
Шуменъ вѣтеръ, пчелы и птицы,
Лишь яблони никнуть въ цвѣтахъ.

В Е Ч Е Р Ъ.

Въ сумракѣ зеленоватомъ
Тонетъ знакомый доль.
Красный неполный мѣсяцъ
Надъ огородомъ взошелъ.

Мальчикъ пѣтушью крику
Вторить съ холма во весь духъ ;
Вышелъ изъ сада послушать
Старый дородный пѣтухъ..

Ширится пламя заката,
Пѣсня вдали замираетъ.
Скорбь темнокрасная маковъ
Каплями въ травы стекаетъ.

Д Р У З Ь Я.

Изъ всѣхъ друзей, растущихъ
Въ саду, мнѣ всѣхъ милѣй
Кусть розъ и ель — старуха
Съ печалію своей.

Одна, вся пламенѣя,
Зоветь въ любви сгорѣть,
Крестомъ сучковъ другая
Качнеть: „страдать тебѣ, терпѣть“.

Люблю я ихъ обѣихъ —
Мнѣ жизнь ясна моя,
Зеленый крестъ и роза —
Послѣдніе друзья.

Пусть роза надо мною
Любовью процвѣтетъ.
Вокругъ креста пусть вѣтеръ
О мукахъ мнѣ поетъ.

Твой малый домикъ вѣчно
Объятъ златистой мглой,
Она скрываетъ также
И милый обликъ твой.

И на пути въ твой домикъ
Нѣтъ мѣста временамъ —
Средь липъ въ дыму златистомъ
Я — дымъ такой же самъ.

ЗАКАТЪ.

Не все исчезнетъ солнце, въ дали уходя —
Въ саду оно оставитъ дѣвушку - дитя,
И, блѣдная, по грядкамъ медленно скользитъ
И макъ кроваво-красный въ ея рукахъ дрожитъ.

И смѣхъ ея звенитъ, какъ ручеекъ весной,
Играетъ сладостно она моею душой.
И пропадаетъ вдругъ, когда синѣетъ ночь,
Но ярко-красный макъ мнѣ позабыть не въ мочь

КОЛОКОЛА.

Звонарь угрюмый колоколь осенній тянеть.
Отъ звона пала тѣнь на золотыя дали...
Гудить пока чуть слышно онъ въ ночном туманѣ;
Заслышавъ звукъ его, цвѣты, дрожа, опали,
Трава росится и блѣдны листы въ печали.

Испуганная радость больше не бушуетъ,
Давно-ль вилась она горошка синимъ цвѣтомъ...
Почти не помню я ночного поцѣлуя,
Твои слова звучать теперъ далеко гдѣ-то,
Какъ вѣтерка весны прощальные привѣты.

И сердцу тяжело, какъ при друзей кончинѣ.
Печали вѣтви почернѣлыя склоняють,
И пѣсня звѣздъ полна такой кручины...
А звоны все слышнѣй, и листья опадають;
Какъ злыя птицы, предвечерья осѣдаютъ.

В Е С Н А.

Сквозь рощу сіяющая ѣдет весна,
Желтые одуванчики въ колесницѣ.
Каждая береза радости полна,
Въ кудряхъ рой бабочекъ зеленыхъ шевелится.

Она кинетъ въ ельникъ быстрый взглядъ —
Смолистыми огнями загорается онъ,
Глянетъ на лугъ — на него летять
Голубые цвѣты со всѣхъ сторонъ.

Къ саду подъѣзжаетъ она потомъ,
Золотыя вожжи привяжетъ — и вотъ
Яблони засыпаются бѣлымъ снѣжкомъ,
Она, запорошенная, дальше бредеть.

У дома дѣвочка-златоголовка сидитъ,
Весна тихонько шепчетъ ей,
Будто не губы, подснежникъ говорить:
„Привѣтъ отъ солнца прими скорѣй.“

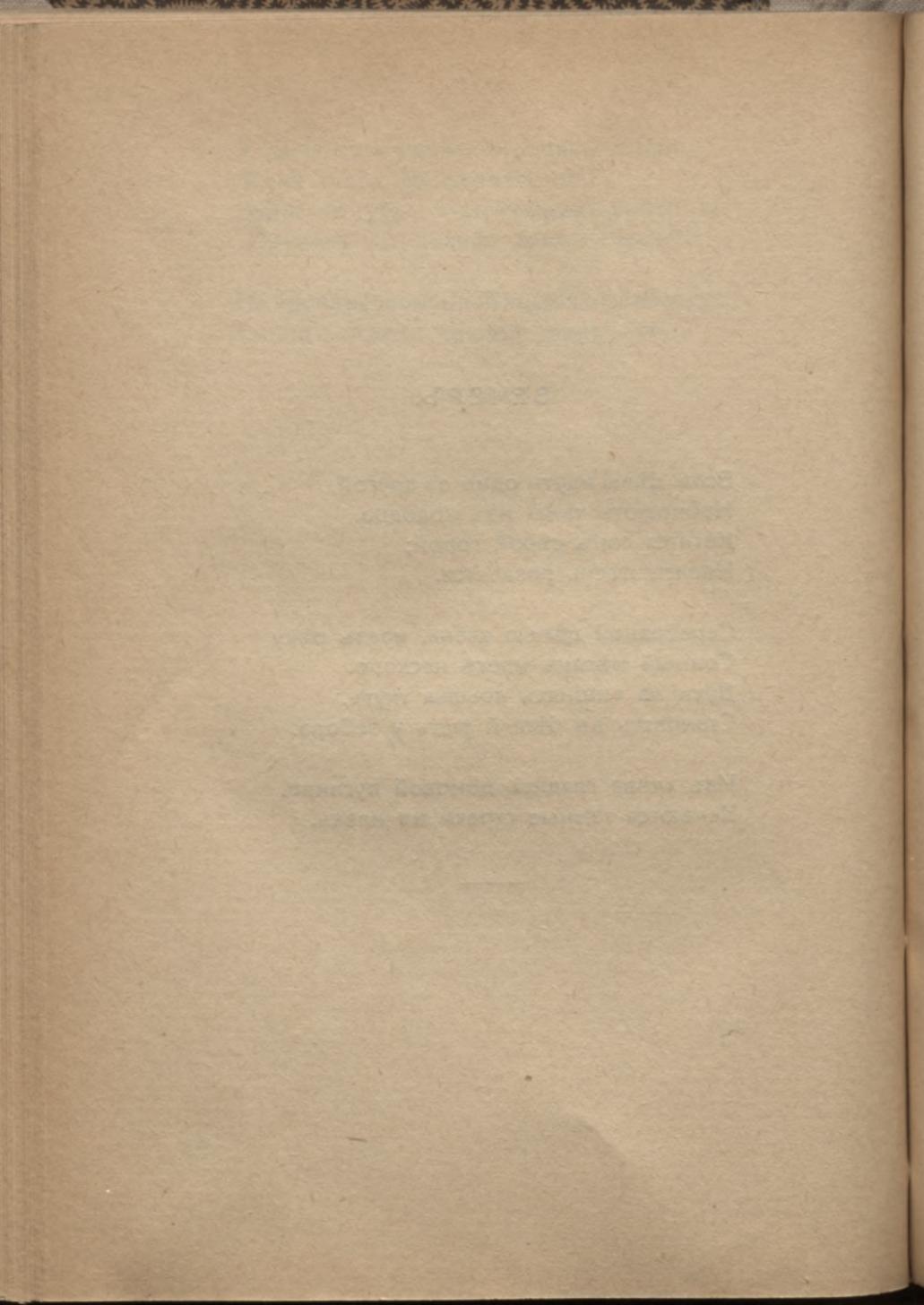
На кровлѣ соломенной ласточки щебечуть,
Синими огнями крылья трепещуть.

ВЕЧЕРЪ.

Вотъ дѣвы идутъ одна за другой,
Набираютъ тьмы изъ колодца.
Катится сонъ сѣрой горой;
Иволги пѣснь раздается.

Серебряной цѣпью звеня, чрезъ рѣку
Сонный мѣсяцъ идетъ нескоро.
Духи на вишняхъ крылья ткутъ,
Становясь въ бѣлый рядъ у забора.

Изъ хлѣва глядитъ домовой пугливо.
Качаются темные страхи на ивахъ.

Эд. Вирза

Эд. Вирза (род. 1884 г.) — принадлежит къ группѣ неоклассиковъ. Онъ строитъ стихи ясно и просто. Главные мотивы его поэзіи: эротика — въ раннихъ книгахъ и бытъ его родины — въ позднихъ. Владѣя легко стихомъ, онъ неумоимо переводитъ французскихъ поэтовъ. Влюбленный всегда въ стихи, постоянно цитирующій ихъ на память, Вирза — одинъ изъ самыхъ восторженныхъ обожателей классическихъ поэтовъ и, особенно, Пушкина.

Здѣсь глинобитный полъ давно поросъ травой,
Увидишь невзначай тутъ вѣдьмъ и домового,
Здѣсь ящерицъ, подковъ и жабъ пріютъ глухой,
Влетаютъ ласточки, чтобы исчезнуть снова.

Отсюда сѣна не струится аромать
И хрюканье свиней уже не раздается,
Густое молоко въ подойники не льется
Изъ полныхъ всѣхъ вымянь, когда придетъ закатъ.

Склонясь на ветхій тынъ, какъ будто ожидая,
Когда начнутъ уже свозить на верхъ сарая
По тряскому настилу съ солнечныхъ полей
Пахучій теплый клеверъ, — взоръ вперяя дико,
Въ одеждѣ выцвѣтшей, поношенной своей,
Стоитъ сѣдой старикъ, печальныхъ мѣсть владыка.

Полуденный уже спадает зной,
И предвечерній отдыхъ наступаетъ,
Изъ памяти безслѣдно исчезаютъ
И радости и муки въ часъ такой.

Созвученъ сердцу всей природы строй:
И облако, что тихо проплываетъ,
Косецъ, что отъ работы отдыхаетъ
И стадо на полянѣ луговой;

Пастушьи переклички въ отдаленьи
И клевера томящій аромать.
Я чувствую, какъ тянутся растеня,
Неугомонно силы въ нихъ кипятъ.
Черезъ безконечность унося, звучать
Земли ласкающія пѣснопѣнья.

О, развѣ въ тѣ благія лѣта
Я зналъ, что счастье промелькнетъ...
Кинь розу мнѣ, Елизавета,
Какъ въ незабвенный вечеръ тотъ!

Пусть снова даръ твой принимая,
Почуетъ, какъ во снѣ, душа
Ту руку, что цвѣтокъ срывая,
Дрожала, нѣжностью дыша.

Я полный грусти грезить буду,
Цвѣтка вдыхая аромать,
И вспомню милую причуду
И нѣжныхъ устъ блаженный ядъ.

Пускай чрезъ канувшія лѣта
Опять неожиданно упадетъ
Твой нѣжный даръ Елизавета,
Какъ въ незабвенный вечеръ тотъ!

ТАБАКЕРКА.

Мой солнцепекъ все холоднѣе,
Лишь съ табакеркою моею,
Слоновой кости, весель я.
Наперекоръ враждебнымъ силамъ,
Отъ дней минувшихъ сохранила
Она мнѣ радость бытія.

Еще сквозь лѣтъ ушедшихъ сѣти
Я вижу все: былъ нѣжно свѣтель
Ея шуршащій криолинъ.
Подарокъ подала несмѣло,
Вечернимъ облакомъ алѣла.
О, ты, любовь молодыхъ годинъ!

„Лишь табакерку отопрете,
Monsieur, все горе отчихнете,
Что накопилось у васъ“.
И тонкую цѣлуя руку,
Внималь рѣчей я милыхъ звуку.
Въ аллеяхъ парка вечеръ гасъ.

На крышкѣ славнаго подарка
Изобразилъ художникъ ярко,
Какъ у Венеры поясокъ
Развязываетъ Марсъ могучій.
Я воинъ былъ обоихъ лучшій,
Чтобъ только вспомнить нынѣ могъ.

Я пережилъ заботы, бѣды
И пораженья и побѣды,
Верчу въ рукѣ подарокъ вновь ;
И давній вечеръ вспоминаю
И какъ — теперь еще не знаю —
Изъ сердца вычихнуть любовь.

ЗЕЛЕНЫЯ БЕРЕЗЫ.

Тамъ, гдѣ плугъ ходилъ когда-то,
Там, гдѣ въ солнечныхъ лучахъ
Косы яркія богато
Разстилали хлѣбъ въ стопахъ,

Полонъ силой неуклонной,
Какъ апрѣль съ тепломъ придетъ,
Зашумитъ неугомонно
Молодыхъ березъ народъ.

И отъ нихъ прохладой вѣетъ,
Кличетъ дождь кукушка тутъ,
Заяцъ здѣсь найдетъ скорѣ
Отъ гонителя пріютъ.

Нѣжность зелени струится...
Человѣкъ въ ея тѣни
Не узнаеть, что пшеница
Здѣсь росла въ былые дни.

Если тутъ заснетъ прохожій,
Полднемъ нѣжащимъ согрѣтъ,
То и онъ услышать можетъ
Звоны плуговъ прежнихъ лѣтъ.

Человѣкъ творить, и снова
Надъ его земнымъ трудомъ
Рать лѣсная встать готова
Въ прежнемъ полѣ золотомъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

В. Дамбергъ

В. Дамбергъ (род. 1886 г.) — одна изъ личностей, наиболее выдающихся въ современной латышской литературѣ. Его поэзія отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго вкуса. Она заключаетъ въ формѣ безупречной возвышенныя идеи и свидѣтельствуетъ о полной гармоніи между духомъ и чувствами. Его комедіи и его большой романъ „Дороги судьбы“ обнаруживаютъ живую заботу о симметріи между частями каждаго произведенія.

Когда цвѣтеть въ лѣсахъ осеннихъ верескъ,
Почуешь ли цвѣтущихъ вишенъ шелестъ ?
Влечется—ль въ дали сказокъ золотыхъ
Холодный умъ — онъ ясенъ сталъ и тихъ ?

И если вишни зацвѣтутъ вѣнчально,
О, не мечтай о верескѣ печальномъ!
Придетъ пора — не жди, не думай ты, —
И засинѣютъ вереска цвѣты.

ГРУСТНЫЙ ШОПЕНА ПРЕЛЮДЪ...

Грустный Шопена прелюдъ пусть раздастся опять,
Въ душу прольется, чтобъ муки ея повторять;
Пусть онъ расскажетъ какъ ночь міровая темна,
Гибельнымъ рокомъ, глубокая, окружена.
Громче, все громче гремитъ угрожающій громъ,
Все сокрушая, онъ топить въ безумьи своемъ.
Душу влечетъ онъ въ беззвѣздную мгlistую ночь,
Гдѣ ничего ужъ не можетъ печальной помочь.
Послѣ усталость... и тихія струны поютъ,
Въ скорбной душѣ раздается Шопена прелюдъ.

ОСЕННЯ ТЕРЦИНЫ.

Мнѣ дорога осенняя прохлада,
Когда тихонько валятся листы
И ярко стелятся по тропамъ сада,

Несется паръ отъ свѣжей борозды
Подъ плугомъ тяжкимъ на пустынныхъ нивахъ.
Природа завершила всѣ труды

И замираетъ въ тихихъ снахъ счастливыхъ.
Великой чувствую ее теперь,
Когда теряетъ ткань убранствъ красивыхъ

Въ круговоротѣ силы и потерь.
Уходитъ время въ думахъ и печали,
И въ памяти еще открыта дверь

Къ тѣмъ днямъ, что такъ свѣтло звучали;
Какъ въ опьяненьи отъ чудесныхъ винъ,
Въ зеленыхъ свѣтахъ и цвѣтахъ сверкали;

Но осень съ тихимъ золотомъ сѣдинъ,
Какъ будто ликъ совсѣмъ иного міра.
Гадаеть сердце о путяхъ судьбинъ...

Оно теперь внимательно и сиро.

ПТИЧКА ВЪ КЛѢТКѢ.

Комната еще въ потемкахъ,
Сонъ еще долить меня,
Но въ желѣзной клѣткѣ звонко
Птичка славить свѣточъ дня.

Только первыми лучами
Лѣсъ и холмъ озарены,
Вмѣстѣ съ вольными пѣвцами
Пѣсни плѣнницы слышны.

Живъ порывъ у ней въ неволѣ,
Солнцу шлетъ привѣтъ она,
Будто учить въ горькой долѣ,
Что печаль моя грѣшна.

THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES THE FIRST

BY

JOHN BURNET

OF

OXFORD

IN TWO VOLUMES

THE SECOND

VOLUME

CONTAINING

THE

REIGN OF

Эльза Стерсте

Поэзія Эльзы Стерсте (род. 1883 г.) інтымна і жанственна. І мотивы і прыёмы выражэння ея стиховъ гаворыць о изыскахъ воспріятія і поэтической культуры.

РАННЯЯ ПОРА.

Въ груди ключи немолчно бьютъ;
Лѣса листвятся и поютъ,
Рога вѣтвей все въ ширь кидая;
И облаковъ лебяжьи стаи
Надъ ними весело идутъ.

Ахъ, первый аромать луговъ
И золотой на всемъ покровъ!
А сердце съ овцами пасется
И слушаетъ, не раздаётся-ль
Изъ глуби лѣса Пана зовъ.

МАЛЮТКА АМАРИЛЬ ГОВОРИТЬ.

Дама пикъ, король червовый
Въ замокъ картъ моихъ вселились,
Чтобъ отъ фей недобрыхъ ночью
Дать защиту Амарили.

Такъ красиво и чудесно
Дама мнѣ во снѣ явилась,
Отъ рѣсницъ ея такъ долго
Синимъ свѣтомъ я свѣтилась.

Ей король и я такъ любы
Это мнѣ она сказала;
Рѣчь ея еще мнѣ долго
Точно тихій звонъ звучала.

МЕНЕСТРЕЛЬ.

Весь годъ блуждаетъ съ лирой,
Стострунной, менестрель;
Спадаетъ листь, родится-ль —
Не молкнетъ пѣсенъ хмель.

Но въ сердцѣ менестреля
Безкрайная весна,
Цвѣтетъ Лѣсная Роза,
Пахуча и пышна.

И ключъ рокочетъ вѣчно,
Ликуеть. ясенъ, полнъ,
И льются пѣсни сердца,
Какъ зыби легкихъ волнъ.

Испившіе той влаги
Прекрасное поймутъ.
Проходитъ мимо прочихъ
Онъ — то король, то шутъ.
Нежданный, точно птица,
Спускается тропой,
Неся угрюмымъ замкамъ
Предчувствій звучный рой.
Такъ ждите, дамы, Роза
Лѣсная расцвѣтетъ.
И съ чудодѣйной пѣсней
Вновь менестрель придетъ!

Мѣста, гдѣ жили прадѣды когда-то,
Гдѣ шель медлительно за годомъ годъ...
Тамъ отъ вещей другіе ароматы,
Фабричный паръ такихъ не создаетъ:
Онѣ затѣйной тонкостью богаты,
И каждая какъ-будто бы поетъ.
Невидныхъ рукъ улыбчивая сила
На бронзѣ и на деревѣ почила.

Смѣются дамы въ платьяхъ старомодныхъ:
Ихъ лица странны, рѣдки, какъ фарфоръ;
Изяществомъ движеній несвободныхъ,
Достоинствомъ онѣ плѣняютъ взоръ.
И менуэтъ на скрипкахъ благородный
Какъ-будто слышенъ, плавленъ и нескоръ.
Онѣ слетаютъ розы лепестками,
Овладѣвая нашими сердцами.

Такихъ вещей красивыхъ и воздушныхъ
Красавицамъ теперь ужъ не видать;
У насъ въ быту имъ холодно и скучно
И нашимъ временамъ ихъ не понять.
Незнающее пламя равнодушно
Не перестанетъ ихъ уничтожать;
Но кто влюбленъ въ нихъ: легкія ихъ тѣни
Придутъ съ улыбкой дивной въ сновидѣнья.

Н. Круза

К. Круза (род. 1884 г.)—поэт тихий и тонкий, чья литературная эволюция тем не менее заметна. После его первых выступлений, он достиг совершенного управления формой и литературным стилем. Более 300 сонетов им написано, в которых поэт воспевает радость и муки одиночества, воспоминания детства и историю своего народа.

РОЗОВАЯ МГЛА.

О тихомъ домѣ думаю дорогой:
Уединенье тамъ, красивый сад,
И сны блаженные легко скользятъ,
Далеко жизни бѣдная тревога.

Тамъ отдохнуть хотѣлъ-бы я немного,
Смотрѣть на догорающій закатъ,
Забыться сномъ глубокимъ былъ-бы радъ,
Хоть ночь съ грозой у моего порога.

Волшебный голосъ сталъ вдругъ слышенъ мнѣ,
Онъ звалъ меня куда-то съ дивной силой,
Внималъ давно забытой я струнѣ.
Мнѣ розовая мгла въ пути свѣтила,
Былъ въ скорбномъ я, но свѣтломъ полуснѣ,
И милая рука вдали манила.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Дождливо на дворѣ, туманно,
И такъ уходитъ день за днемъ...
Въ саду слетаютъ безпрестанно
Листы, и кони бродятъ въ немъ.

Дрожа, гусей проходятъ пары,
Зарей поетъ пѣтухъ грустнѣй,
А у забора ясень старый
Роняетъ пестроту вѣтвей.

Еще паукъ изъ нитей тонкихъ
На мокрыхъ сучьяхъ сѣтъ плететь,
Укрылся пастушокъ въ сторонкѣ
И стадо издали пасеть.

Обстала мгла сѣдой стѣною...
Гдѣ солнце пыльное найти?
Куда идти? Одинъ съ собою
Ты брошенъ на глухомъ пути.

Угрюмость въ зелени пригорка.
Какая жуть въ пустыхъ лѣсяхъ!
И ходять заморозки зорко
Ночами въ звонкихъ башмакахъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

PHYSICS DEPARTMENT
5712 S. UNIVERSITY AVE.
CHICAGO, ILL. 60637

П. Розитъ

П. Розить (род. 1885 г.) — поэт и прозаик, психолог современников, трактующий в своих произведениях полно и глубоко проблемы брачной и сексуальной жизни.

УЛЕТАЮЩАЯ ЛАСТОЧКА.

Улетающая птица,
Передай поклоны Нилу.
Звонъ отъ крыль твоихъ струится,
Скрипка такъ поетъ для милой.

Прощебечь еще немного
Такъ же весело, какъ лѣтомъ.
Не легка твоя дорога
Въ морѣ, бурями одѣтомъ.

Будешь ли концами крыльевъ
Ты звенѣть въ году грядущемъ...
Можетъ нильскихъ водъ обилье
Гибель принести поющимъ.

Или высохнуть онъ можетъ,
И песокъ страну покроетъ,
Смерть приказъ исполнить Божій, —
И исчезнетъ все живое.

Воцарится ночь въ пустынѣ,
Пирамиды вихрь засыпетъ,
Пожалѣешь ты въ кручинѣ,
Что отправилась въ Египеть.

Если-жъ прилетишь къ намъ снова,
Южнымъ солнцемъ налитая,
Можетъ быть, меня живого
Не найдешь въ разцвѣтѣ мая.

Пусть же это не мѣшаетъ
Вдаль тоскѣ твоей стремиться.
Внемли, другъ твой воспѣваетъ
Ниль и милую пѣвицу.

КОСАРИ НА ОТДЫХЪ.

Какъ статуи изъ мѣди,
Упали, гдѣ пришлось,
Мужчины, жены, дѣти,
Когда пришелъ покось.

Тамъ дѣва: грудь, колѣни
Открылъ ей сонъ и зной,
И волосы на сѣнѣ.
Кому ей быть женой?

И тутъ же парень юный
Тревожный видитъ сонъ,
По жиламъ трепеть струнный;
Какъ фавнъ заснувшій онъ.

Лежать мужья, а трубки
Въ зубахъ у нихъ дымятъ,
Въ мозоляхъ, въ шрамахъ руки
Не малый трудъ свершатъ.

И женъ трудолюбивыхъ
Усталый сонъ повергъ,
Имъ пылъ трудовъ счастливыхъ,
Имъ счастье сонныхъ нѣгъ.

Кто создалъ эти руки
И мощь такихъ колѣнъ,
Тому не вѣдать муки
И вѣчныхъ перемѣнъ.

Я. Судрабналнъ

Поэзия Яна Судрабкална (род. 1894 г.)—патетична, торжественна и богата ритмами; она презирает мелочность повседневной жизни. Романтически вдохновенная, она смотрит мужественно в горизонты будущего. Высоко интеллигентный и очень одаренный, Судрабкалнь имѣет много подражателей среди начинающих латышских поэтов.

ЗА БЕТХОВЕНОМЪ.

Мнѣ кажется, пришелъ тотъ дивный годъ,
Когда слѣпцы познали зрѣнья счастье.
Сквозь бурю къ солнцу смѣло насъ ведетъ
Съ жезломъ Симфоньи третьей мастеръ.

Тогда борьбой былъ каждый умъ объятъ,
Какъ нынѣ, падали, росли державы;
„Тирановъ прочь“ — гремѣлъ девизъ, крылатъ,
Былъ близокъ часъ свободы величавой.

Земля, какъ будто снова родилась,
Восторженной душой овладѣвая,
И вновь за рукоять меча держась,
Вскипаетъ древняя мечта людская.

Испытываетъ безпокойство умъ,
Трагическимъ оканчиваясь „Presto“,
Какъ будто озера раздался шумъ —
Сонаты Лунной роковое мѣсто.

Я слышу вечеръ, мощно рвущій дверь,
Онъ рьяно градъ и молніи бросаетъ,
И тотъ закатъ не свянулъ и теперь,
Онъ наши взоры снова закрываетъ.

И пусть, кому побѣда дорога,
Сгорааетъ на кострѣ страстей распятой;
Когда душа свободна и строга,
Ей — золото „Allegro“ изъ Девятой.

Когда-жъ весенне смотрятъ небеса,
Пусть все эвучить привѣтомъ Пасторали;
Отъ травъ могильныхъ запахъ поднялся, —
Мерцающія волны Мессы прозвучали.

Какъ будто побѣжденъ Медузы взглядъ,
Слѣпцы познали исцѣленья счастье,
И звуки мощные изъ-подъ жезла летятъ —
Побѣду встрѣтитъ насъ ведетъ самъ Мастеръ.

НЕЖДАННАЯ ПОМОЩЬ.

Шумѣла ночь за окнами дождемъ,
Какъ водопадъ въ горахъ громадный,
Но въ комнатѣ среди картинъ и книгъ
Покойно было, какъ въ затишьи грота.

На небѣ хмуромъ нѣтъ ни огонька,
Ни отблеска нигдѣ въ потемкахъ,
И только, какъ изъ дальнихъ-дальнихъ странъ,
Твои глаза лучи мнѣ посылали.

То ты идешь сквозь непогоду, ночь
Высокимъ облакомъ горящимъ.
Благословенна стройная рука,
Что нѣжной можетъ быть и страстной.

Прошла болѣзнь, я открываю взоръ,
Одинъ я въ комнатахъ, тѣнями полныхъ.
Хоть ночь еще въ душѣ, но звѣзды въ ней
Стоять, какъ богомолки на молитвѣ.

Безсмертная, давно я знаю васъ!
Изъ ада Дантова чрезъ пламень
Въ цвѣтущій рай ведете вы опять,
Иду я, неизмѣнная, за вами.

ВЕЧЕРЬ.

Сломленный, буду я кинуть въ песокъ
Мною въ борьбѣ уготовленной ямы —
Вечерь придетъ въ предназначенный срокъ,
Но не разстанусь совсѣмъ я съ друзьями:

Я поднимусь на высоты отъ васъ,
Тамъ надъ базарами и мостовыми;
Надъ корабельнымъ просторомъ взнесясь,
Взорами звѣздъ посмотрю золотыми.

Годы, столѣтья, какъ синяя твердь
Мчатся, затеряны въ вихряхъ эфира,
Я, чья давно позабыта и смерть,
Буду мерцать въ безконечности міра.

Нѣтъ, я исчезнуть уже не могу:
Много тамъ дней холодящихъ я прожилъ,
Сколько горѣлъ я на томъ берегу! —
Частью побѣдъ вашихъ буду я тоже.

Не пропадетъ для меня ничего,
Я до конца буду вмѣстѣ съ вами.
Можетъ быть, ждетъ насъ весны торжество
И надъ гренландскими островами.

Какъ величаво-торжественъ закатъ!
Голосъ надъ міромъ звенить колокольный,
Струи источниковъ ярко горятъ,
Скотъ возвращается съ пастбищъ привольныхъ.

Къ дому вернусь я — хоть брошенъ въ песокъ
Мною самимъ уготовленной ямы,
И вознесенъ въ довременность высоту,
Встрѣченный дальнихъ созвѣздій глазами.

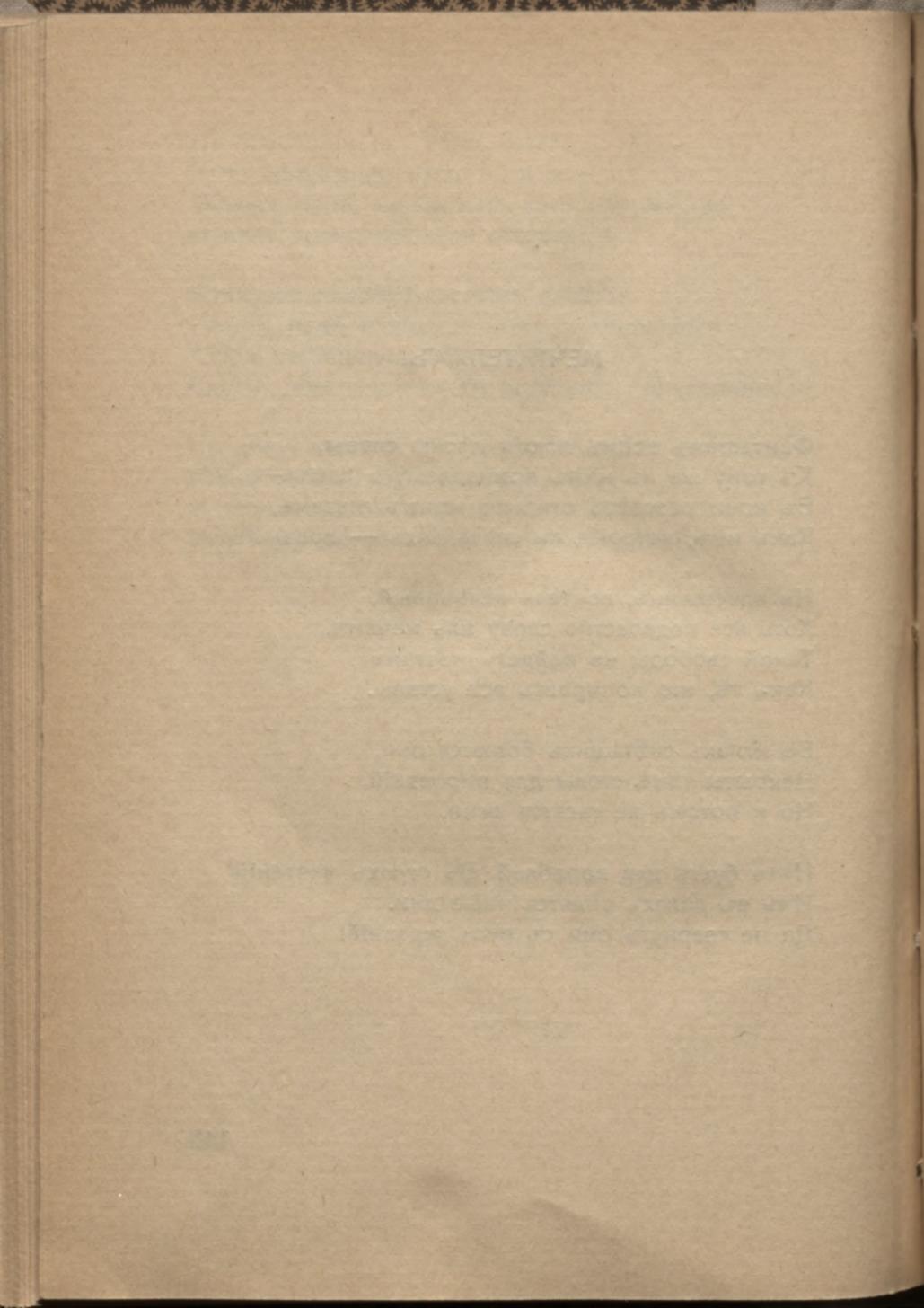
МЕЧТАТЕЛЯМЪ.

Фантастамъ всѣмъ пою я пѣсню славы,
Къ тому же къ нимъ принадлежу я самъ —
Въ ночи разсвѣтъ открытъ моимъ глазамъ,
Какъ имъ, которые въ скитаньяхъ — правы.

Ни властелинъ, воитель величавый,
Хоть все подвластно слову иль мечамъ,
Такой свободы не найдетъ мечтамъ,
Какъ тѣ, кто попираетъ всѣ уставы.

Во мглахъ свѣтящихся борются они,
Накрыты тамъ столы для пированій,
Но и потомъ не гасятся огни.

Нѣтъ бухтъ для кораблей. Въ огняхъ мечтаній
Имъ въ дальяхъ видятся иные дни.
Да не свернуть они съ пути дерзаній!

П. Эрманъ

П. Эрманъ (род. 1893 г.) — поэтъ библіофилъ. Зная въ совершенствѣ біографіи латышскихъ писателей, онъ ихъ характеризуетъ въ своихъ стихахъ просто и находчиво. По примѣру нѣмецкихъ модернистовъ, особенно Верфеля, онъ пытается описывать жизнь большихъ городовъ, но ему удаются больше описанія деревенской жизни.

ЛОШАДИНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Они траву пощипывают скромно:
Тотъ — молодъ, черенъ; этотъ — сѣрь и старъ.
Воскресный отдыхъ. Тихъ загонъ укромный.
Береза и ольха прохладятъ жаръ.

Кто можетъ знать, что думаетъ хозяинъ?
А вдругъ прикажетъ онъ коляску впречь?
Ахъ, этотъ ужасъ только лошадь знаетъ —
Давать себя въ дорожномъ пеклѣ печь.

Нѣтъ, страхъ напрасенъ... Снова съ томной лѣнью
Жують, скача на спутанныхъ ногахъ.
Какъ хорошо прилечь заснуть подъ сѣнью
Березъ, забывшихся въ полдневныхъ снахъ!

Луга раскинулись въ святомъ покоѣ,
Застыла мельница, крыла поднявъ,
И смотритъ небо мягко-голубое
Въ молчаніе болотъ, лѣсовъ и травъ.

Глаза коней смыкаются дремотно
Подъ лаской зеленѣющаго дня...
Но снятся борозды въ землѣ болотной,
Телѣга, плугъ — проклятіе коня.

ВЕЧЕРЪ ИВАНА КУПАЛЫ.

Въ росистыхъ долахъ синій вечеръ спитъ,
Рогъ мѣсяца блеститъ надъ далью мутной;
Идетъ Иванъ Купала, въ ширь глядитъ,
Лаская міръ раздольный и пріютный.

Сижу я на межѣ у нивъ ржаныхъ,
Шепчась съ травой о скоромъ урожаѣ, —
Отъ чувствъ простыхъ и радостныхъ моихъ
Природа тайнъ ревниво не скрываетъ.

Вотъ иволга привѣтствуетъ меня,
Поетъ о томъ, какъ эта ночь красива;
Густой туманъ плыветъ по зеленымъ,
Гремитъ телѣга за широкой нивой.
А съ хутора несется пѣсня дѣвъ
Да тянетъ скрипка все одинъ напѣвъ.

ГИМНЪ БУЛЬВАРНЫМЪ ЛИПАМЪ.

Люблю васъ такъ сердечно, такъ глубоко,
Липы стройныя, липы вѣтвистыя, бульвара жрицы
зеленыя!
Очищенъ и проясненъ въ вашемъ зеленомъ мер-
цаньи
Бульвара грѣхъ, бульвара грохотъ шумящій.
И скользя мимо васъ, визгъ авто становится рав-
нымъ звону храма...
Ахъ, только вами бульваръ освященъ!
Подтверждаю мое изумленье невинностью вашей
зеленой...
И ваша радость произрастанья такъ счастливить
меня.
Какая жизнь въ листьяхъ вашихъ, листьяхъ медо-
нѣжныхъ!
Въ дружбѣ пріятной подаете вы руки сучьевъ
надъ головой прохожихъ.
Каждый выходитъ изъ-подъ этихъ рукъ благо-
склонныхъ,
Святость зеленую вашу, вселасковья, получая.
Липы, вы мнѣ какъ сестры, люблю я васъ какъ
невѣсту!

БУФЕТЧИЦА.

Что тамъ оркестръ жужжить опять?
Но будить онъ чувство, что мнѣ не понять.
Какъ будто стыдно, какъ будто жаль,
Сжимаетъ сердце боль и печаль.
Буйный мотивъ несется, звеня;
Ахъ, въ немъ дрожить вся душа моя!
Дивное слово мнѣ нѣжить слухъ,
Былыя утра мелькнули вдругъ.
Струны дрожать. А съ ними и грудь.
И хочется вѣчно ту пѣсню тянуть.

То „Чайка“ иль „Разинъ“—не все ли равно?—
Закачаться въ тѣхъ звукахъ сердцу дано.
Смѣяться и плакать хочу съ собой,
Какъ смѣняются пьесы одна за другой.
Глаза въ туманѣ. Пространства нѣтъ.
Вокругъ меня странный струится свѣтъ.
Кружокъ тартинки — о, дивный сонъ —
Въ огромный подсолнухъ преображень.
Раскрылся широкой сіяющей видъ:
Зеленый садъ ручейками звенить.

Въ свѣтлыхъ платьяхъ тамъ люди скользятъ,
Стройный юноша даритъ мнѣ взглядъ.
Поспѣшаетъ сюда. Онъ здѣсь. Но вотъ
Музыка молкнетъ и явь настаетъ.
Пьяный чиновникъ ко мнѣ подошелъ,
Комплиментомъ дешевымъ по тѣлу провель.
Зычно требуетъ пива толстякъ-биржевикъ;
Я налью, а гарсонъ подаетъ ему вмигъ.
Шлю прощанье красивому я,
И мечта покидаетъ меня.
Суждено ей на мигъ промелькнуть,
Въ рыжемъ пивѣ навѣкъ потонуть.

Я. Земельнекъ

Я. Земельнекъ (1897—1930)—чистый лирикъ, находив-
шійся подъ вліяніемъ Блока и, отчасти, Есенина. Онъ пользо-
вался у читательской массы большимъ успѣхомъ. Среди мно-
жества его стиховъ нѣкоторые выдѣляются острымъ и не-
шаблоннымъ выраженіемъ чувства всегда, очень личнаго.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Съ базара вербы вѣтвь принесена,
И на столѣ гирляндой перловъ вьется,—
Какъ будто слезы пролила весна,
И это отъ любви ей остается.

Я знаю боль священную, когда
Цвѣты и зелень сыпать на дорогу
И предають, цѣлюючи въ уста
Глубокой ночью смертному порогу.

ПОЛУНОЧНИКЪ.

Опять одинъ въ пути ночномъ, далекомъ,
И бремя мыслей движется горой.
Опять одинъ... Внизу, во снѣ глубокомъ
Раскинуть городъ — скотный дворъ большой.

Какъ небо въ звѣздахъ ясно и высоко!
И даже вѣтры всѣ легли уснуть,
Скользятъ Плеяды медленно къ востоку,
Блѣднѣетъ понемногу Млечный Путь.

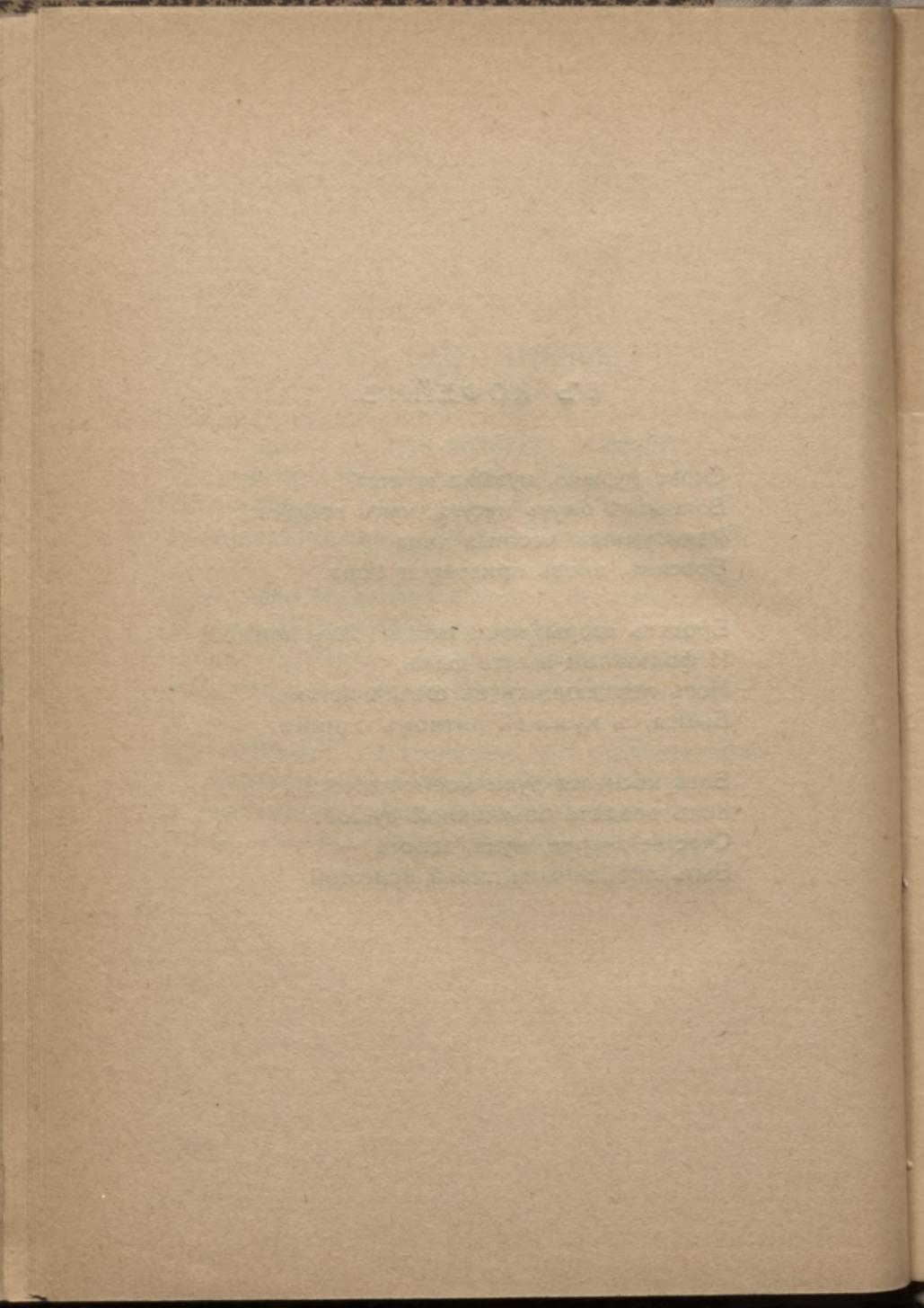
О, страшный грѣхъ—воздвигнуть міръ безмѣрный!
А жизнь должна быть такъ узка, узка —
Одушевить случайно прахъ невѣрный,
Чтобъ въ немъ гнѣздились тлѣнность тоска!

ВЪ КОФЕЙНЪ.

Снова музыка, музыка мчится,
Волны въ омутъ несутъ, какъ всегда...
Рѣчи умныя, честныя лица
Бросивъ, вновь прихожу я сюда.

Бродятъ взоры, какъ птицы безъ дома,
И фонтанами вьется дымъ,
Ногъ мерцающихъ въ шелкѣ истома
Бьется съ музыкой ритмомъ однимъ.

Вотъ коснулся руки моей кто то...
Какъ владѣть опьяненной душой!
Счастье хитрое, мука, забота —
Быть плѣненнымъ твоей красотой.

	Стр.
РАЙНИСЬ.	
„Крестьянинъ“	39
„Лѣсная птица“	40
„Край сновъ“	41
„Когда ночь“	42
ПЛУДОНЬ.	
„Зачѣмъ мечтаешь ты“	45
„Розы“	46
„Въ зимнюю ночь“	47
„Пѣсенка тростника“	48
СКАЛБЕ.	
„Лѣсные колокольчики“	53
„Шарманка“	55
„Вечеръ“	56
„Звѣзда“	57
„На родинѣ“	58
„Барка съ сѣномъ“	59
„Странникъ“	60
„Баня“	61
ЭГЛИТЬ.	
„Демонъ“	65
„Послѣ долгой работы“	66
„Весной“	67
„Вечеромъ“	68
„Стансы“	69

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	5
ВЕЙДЕНБАУМЪ.	
„Весною повѣяло въ полѣ“	9
„Уже друзья иные“	10
„На улицахъ дождливо“	11
ПОРУКЪ.	
„Въ лодкѣ „Харона“	15
„Венера“	16
„Путникъ“	17
„Повѣдка Гете въ Зезенгеймъ“	18
„О, назови ту минуту“	20
„Въ твоё высокое оконце“	21
АСПАЗІЯ.	
„Сказочка“	25
„Одна“	26
„Ясная звѣзда“	27
„Одно мгновенье“	28
„Лунный лучъ играетъ“	29
РАЙНИСЬ.	
„Блудный сынъ“	33
„Безъ своей жизни“	34
„Покинутый на нивѣ“	35
„Край моей жизни“	36
„Здравствуй, Латвія“	38

ЯКОБСОНЪ.

„Отъ лѣса черезъ шивы“	73
„Воздушной бездны“	74
„Рогъ охотника“	75

АКУРАТЕРЪ.

„Божественное“	79
„Ахъ, птица легкая“	80

БАРДА

„Идиллія“	83
„Дома“	85
„Вечеръ“	86
„Друзья“	87
„Твой малый домикъ“	88
„Закатъ“	89
„Колокола“	90
„Весна“	91
„Вечеръ“	93

ВИРЗА.

„Здѣсь глинобитный полъ“	97
„Полуденный уже“	98
„О, развѣ въ тѣ благія“	99
„Табакерка“	100
„Зеленыя березы“	102

ДАМБЕРГЪ.

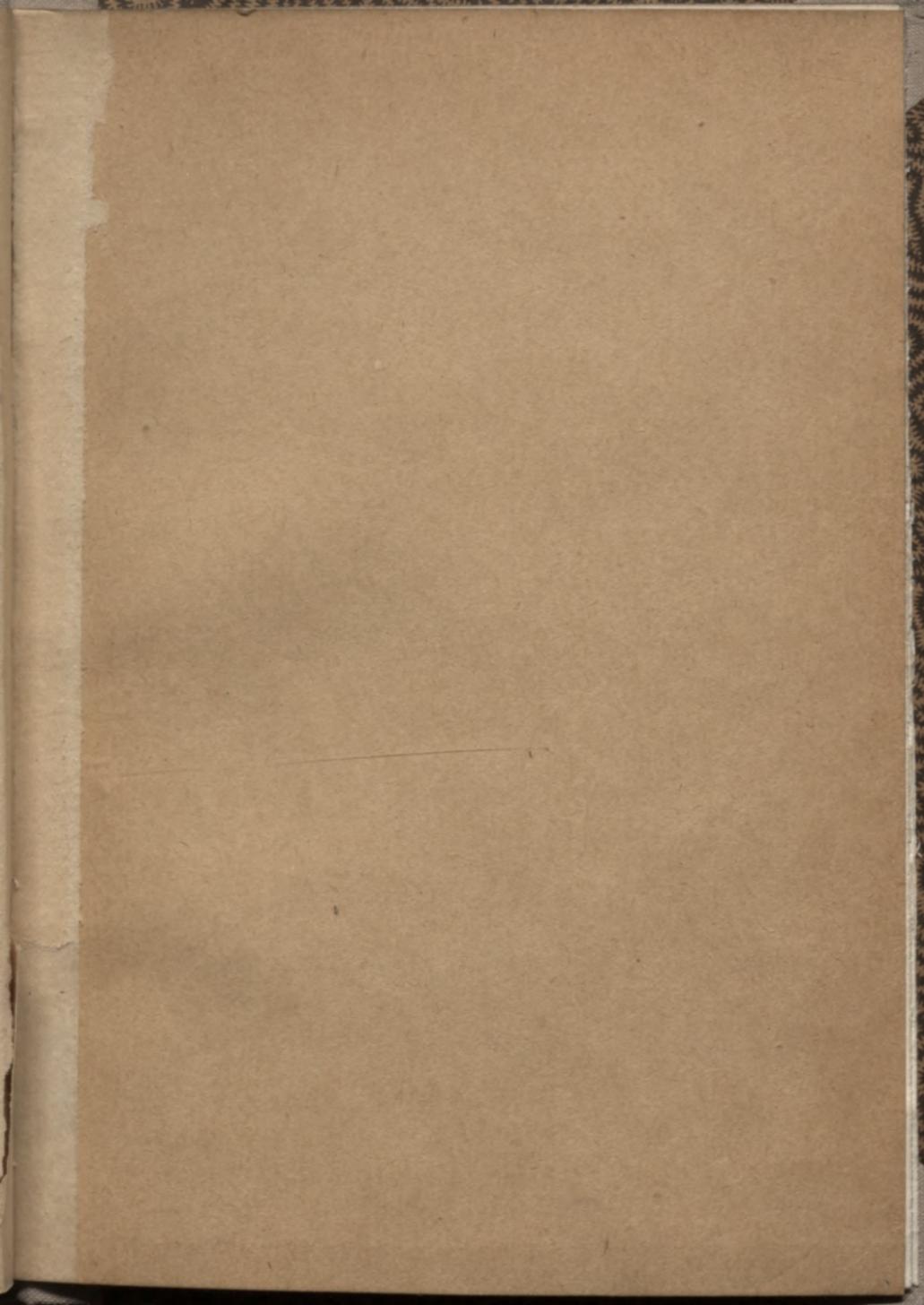
„Когда цвѣтеть въ лѣсахъ“	107
„Грустный Шопена прелюдъ“	108
„Осеннія терцины“	109
„Птичка въ клѣткѣ“	111

СТЕРСТЕ.

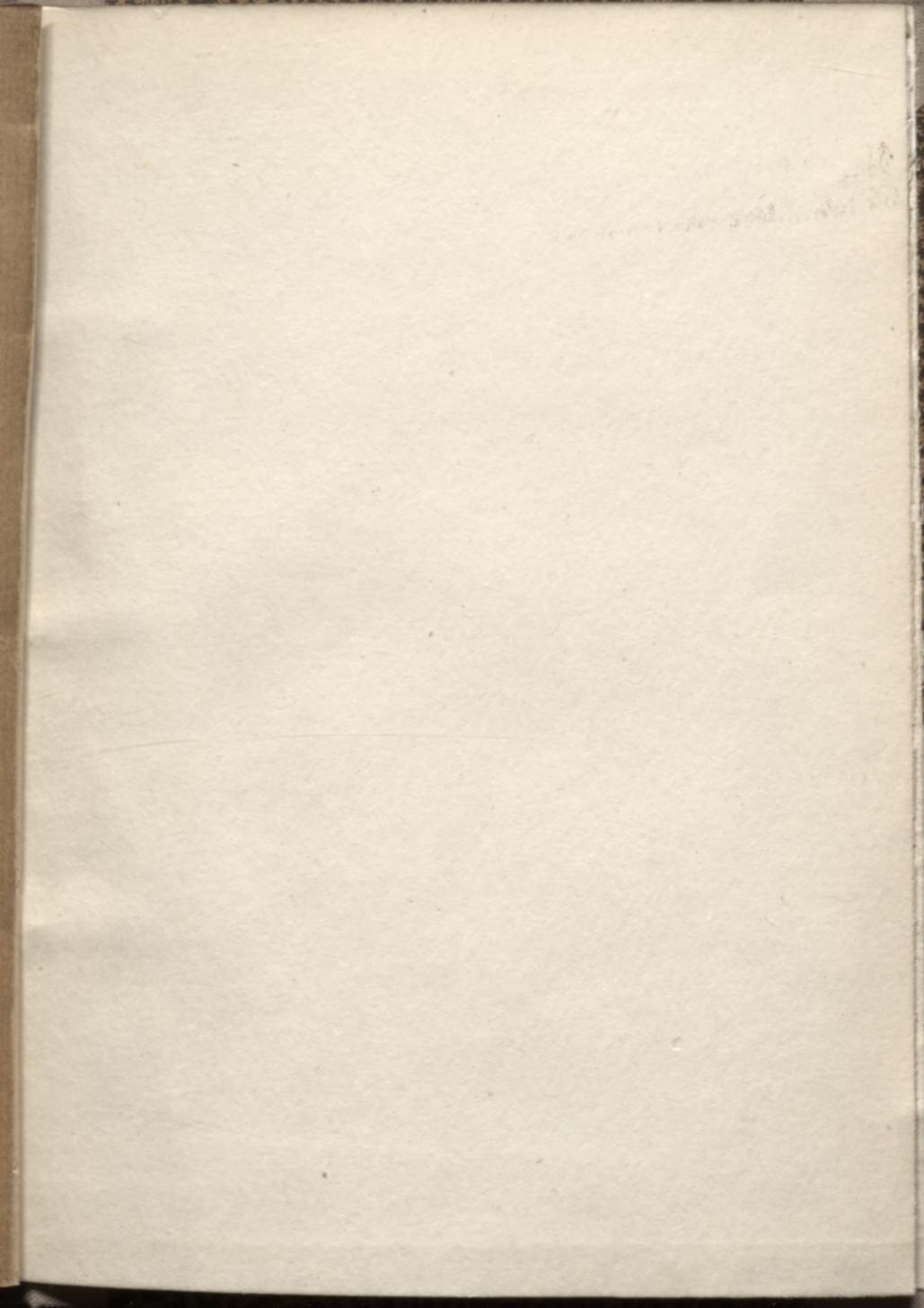
„Ранняя пора“	115
„Малютка Амариль“	116
„Менестрель“	117
„Мѣста, гдѣ жили“	119

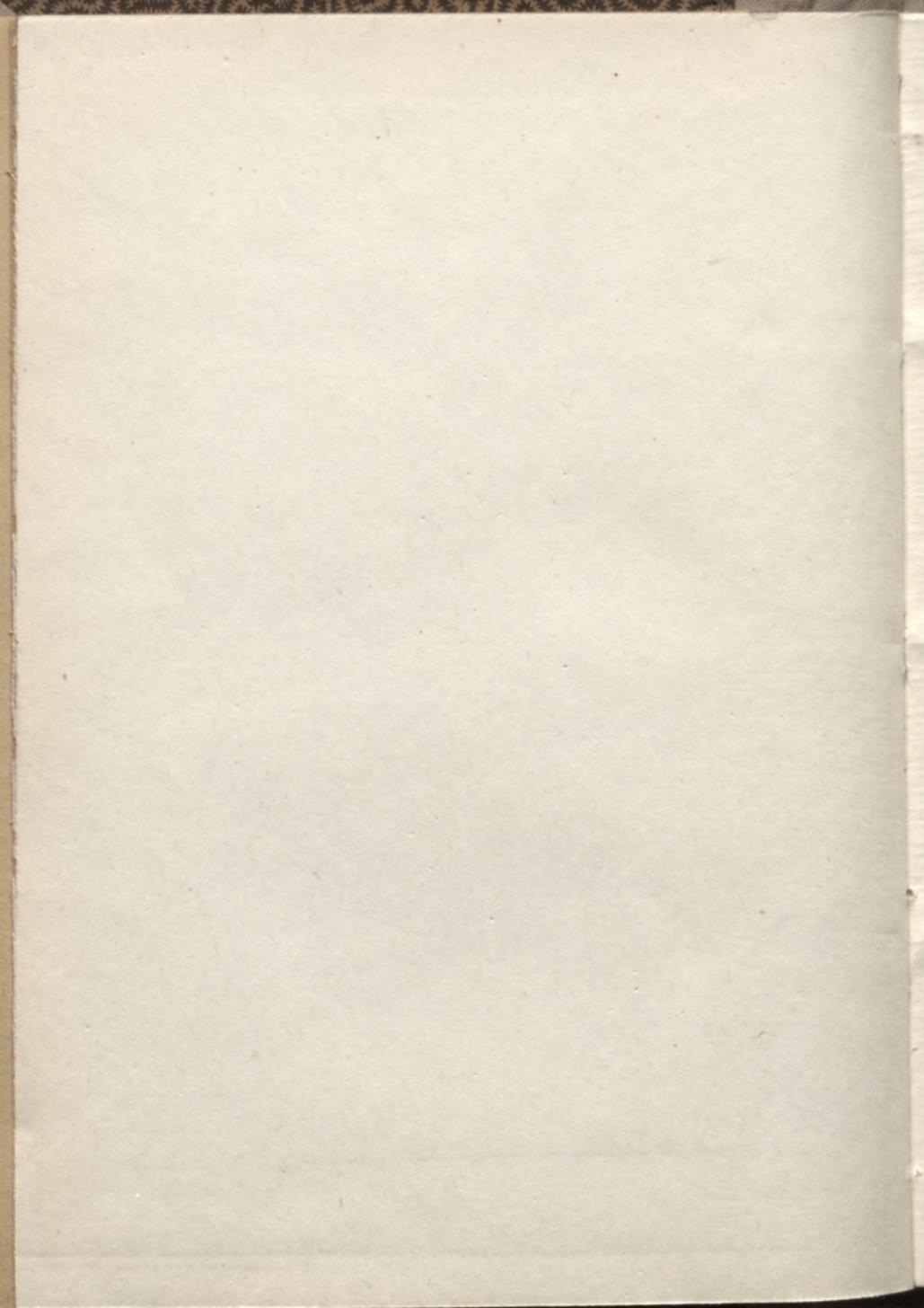
	Стр.
КРУЗА.	
„Розовая мгла“	123
„Осенній дождь“	124
РОЗИТЬ.	
„Улетающая ласточка“	129
„Косари на отдыхъ“	131
СУДРАБКАЛНЬ.	
„Бетховеніанецъ“	135
„Нежданная помощь“	137
„Вечеръ“	139
„Мечтателямъ“	141
ЭРМАНЬ.	
„Лошадиное воскресенье“	145
„Вечеръ Ивана Купала“	147
„Гимнъ бульварнымъ липамъ“	148
„Буфетчица“	149
ЗЕМЕЛЬНЕКЪ.	
„Вербное воскресенье“	153
„Полуночникъ“	154
„Въ кофейнъ“	155

19 DEC. 1930

Pārb. 4.X 85.

Shūfēt

LATVIJAS NACIŅĀLĀ BIBLIOTĒKA

0311016561